

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belgorod State University
Belarusian State University

**TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF MODERN LINGUISTICS IN THE AGE
OF GLOBALIZATION**

Materials of the IV international scientific conference
on October 17–18, 2018

Prague
2018

Trends in the development of modern linguistics in the age of globalization: materials of the IV international scientific conference on October 17–18, 2018– Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – 63 p. – ISBN 978-80-7526-339-1

ORGANISING COMMITTEE:

Vasily V. Lipich, doctor of philological sciences, professor of Belgorod State University.

Elena N. Serdobintseva, doctor of philological sciences, professor of the Penza State University.

Irina I. Skachkova, candidate of philological sciences, associate professor of the Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Olga Yu. Shimanskaya, candidate of philological sciences, assistant professor of English language department of Belarusian State University.

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines trends in the development of modern linguistics in the age of globalization. Some articles deal with theoretical problems of modern linguistics. A number of articles are covered language as a socio-cultural organism. Some articles are devoted to intercultural communication and linguistic identity. Authors are also interested in Training native and foreign languages in a multicultural space.

UDC 81

ISBN 978-80-7526-339-1

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2018.

© Group of authors, 2018.

CONTENTS

I. THEORETICAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

- Мамедова А. Э.**
Лексические и словообразовательные лакуны в составе фрагментов синтезированных деривационных гнезд.....6
- Мартюшова Е. В.**
Маркеры категории пространства в дефинициях наименований насекомых в немецком языке..... 10
- Мякшин К. А.**
Терминологическая омонимия в языке фонетики..... 14

II. LANGUAGE AS A SOCIO-CULTURAL ORGANISM

- Астрамецкая Н. П.**
Язык в условиях цифровой трансформации социокультурной среды..... 18
- Булыгина Е. Г.**
Хронология заимствованных единиц со значением ‘musical instrument’ в современном английском языке 23
- Карлова В. А.**
Языковые контакты и интерференция как фактор появления заимствований в речи 27

III. THE IMPORTANCE OF BILINGUALISM AND MIXED LANGUAGES IN THE MODERN METROPOLIS

- Мухина И. К., Попова А. И.**
Полилингвизм бытового общения как специфика языковой ситуации г. Уфы 29

IV. DEVELOPMENT OF THE ETHNO-NATIONAL LANGUAGES AGAINST THE BACKGROUND OF NATIONAL AND CULTURAL REVIVAL

Аксюхин Н. А.

Особенности современной языковой ситуации в Шотландии.....34

V. THE LINGUISTIC ANALYSIS OF CONTEMPORARY MEDIA SPHERE

Barmina D. E.

Nicknames of English-speaking users on Facebook40

VI. INTERCULTURAL COMMUNICATION AND LINGUISTIC IDENTITY

Artomova Ye. A.

Virtual Language Personality within Internet Discourse.....44

Семенова Э. В.

Межкультурная коммуникация: лингвокультурный аспект47

VII. TRAINING NATIVE AND FOREIGN LANGUAGES IN A MULTICULTURAL SPACE

Верещагина Е. Ю.

Формирование словообразовательных навыков на уроках
английского языка.....50

VIII. LANGUAGE AND MENTALITY PRESSING QUESTIONS OF COGNITIVE LINGUISTICS

Чумаков А. Н.

Описание внутреннего мира человека с помощью метафоры в позднем
творчестве М. М. Пришвина54

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 2018–2019 годах.....	58
Информация о научных журналах	60
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	61
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	62

I. THEORETICAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЛАКУНЫ В СОСТАВЕ ФРАГМЕНТОВ СИНТЕЗИРОВАННЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ГНЕЗД

А. Э. Мамедова

Аспирант,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь

Summary. This article observes lexical and word-formation lacunae in the Russian literary language. Describes the use of the National Corpus of the Russian language in word-formation analysis. Describes the modeling of fragments of synthesized derivational nests (Russian literary language / dialects).

Keywords: derivational nest; derivational lacuna; lexical lacuna.

Как известно, язык является целостной многоуровневой структурой. Словообразование, как один из уровней языка, представляет собой организованную подсистему, комплексные единицы которой вступают в определенные отношения. Сопоставительный словообразовательный анализ различных пластов лексики языка дает возможность более глубокого изучения и понимания словообразовательных категорий и отношений.

Зачастую элементы, находящиеся на периферии литературного языка (диалектизмы, Интернет-пространство языка), остаются за пределами внимания исследователя. Однако при анализе подобной лексики можно восполнить лексические и словообразовательные лакуны («потенциальные, не заполненные клетки») в составе словообразовательных гнезд русского литературного языка, моделируя фрагменты синтезированных деривационных гнезд (литературный язык/говоры, литературный язык/язык Интернета и др.). Например, словообразовательное гнездо с производящей основой *бан(я)* представлено в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова 6-ю производными: *банька, банщица банник, банить, баниться, побанить* [8, Т.1, с. 111]. В «Словаре говоров Мордовии» обнаруживается лексема *банничать*, ‘топить баню’ [5, с. 9]. Данная лексема отсутствует в лексикографических источниках литературного языка. Таким образом, целесообразно говорить о наличии лексической и словообразовательной лакуны.

Хорошо известно, что в языке интернета используется слово *бан*, ‘Ограничение возможностей пользователя в блогах, социальных сетях и других сайтах. От английского ban «запрещать» или «запрет». От ban обра-

зованы глаголы *банить, забанить, разбанить* (отменить бан) и существительное *разбан* [7, с. 176].

При анализе Интернет-лексики большое значение имеет «окружение» слова. Однако использование Интернет-источников не всегда может предоставить корректную выдачу необходимых данных. В подобных случаях целесообразно использование Национального корпуса русского языка, который дает возможность получить данные конкретного употребления в художественных или нехудожественных текстах той или иной леммы [3].

В говорах достаточно распространено сложение как способ образования. Словообразовательное гнездо с производящей основой *больш(ой)* в литературном языке представлено 16-ю лексемами [1; 9]. В говорах обнаруживается лексема *большичать*, ‘Начальствовать, распоряжаться, управлять’ [6, Т. 3, с. 90]. С помощью основы *больш(ой)* образованы следующие лексемы, не нашедшие отражения в лексикографических источниках литературного языка: *большедорожник*, ‘1. Житель при большой дороге’. ‘2. Грабитель, разбойник’; *большедорожничать*, ‘Разбойничать, грабить’; *большедорожный*, в знач. сущ. ‘Живущий у большой дороги’ [6, Т. 3, с. 88]. Как считает А.В. Никитевич, существенно наличие целых фрагментов диалектных гнезд для понимания морфемной и словообразовательной структуры производного, одним словом (в отличие от системы литературного языка) представляющего данное лексико-словообразовательное значение. Так, среди диалектных слов, имеющих отношение к лексико-словообразовательному гнезду слова *большой*, в смоленских говорах отмечены следующие:

Большій ‘Старший’.

Большина ‘Главная власть и право распоряжаться в семье’.

Большиться ‘Выражать претензию на власть’. «Каждому хочется властвовать – большитца».

Большак ‘Главный распорядитель в семье’.

Большуха ‘Хозяйка во дворе’ [2, с. 36].

Заслуживает внимания факт не только наличия глагола (большиться), но и сама семантика, получающая развитие в целом ряде родственных слов. К слову, в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова приведены такие единицы, как *большак* и *большуха* [8, т. 1, с. 110], однако глагол отсутствует [4].

С помощью Национального корпуса русского языка выявлены существительные, образованные по модели *основа больш(ой) + основа + суффикс -ник*: *большесрочник, большеменник* [3].

Лексико-словообразовательное гнездо *суббота*, представленное в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова производными *субботник, субботний* [8, Т. 2, с. 191] можно дополнить диалектным глаголом *субботничать*.

По такому же словообразовательному типу образована и обнаруженная в говорах лексическая единица *будничать*, 'Работать во время праздников, не праздновать. Даль [без указ, места]. *Он и в Петров день будничал*. Волог., 1902. *Будничали все рожесьво*. Арх. Свердл. [6, Т. 3, с. 245].

Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной *повадить* в словаре А. Н. Тихонова представлено лексемами *повадиться, поваживать, повадка, повадчик, повадливый, повадливость, повадный, повадно* [8, Т. 1, с. 772]. В словаре Т. Ф. Ефремовой отмечены лексемы *повадиться, повадка, повадливый, повадливость, повадно, повадный* [1]. В говорах обнаружены лексемы *вадиться*, '1. Привыкать постоянно, часто делать что-либо; приучаться к чему-либо'. Курск, 1848. 'Привыкать к какому-либо баловству'. Курск, Влад., Волог., 1852. *Вадкий*, 'Соблазнительный, лакомый'. *Это кус вадкий*. Даль [без указ. места] [6, Т. 4, с. 12]. Данные лексемы отличаются своей морфемной структурой от литературных единиц.

В «Словаре русских народных говоров» отмечены лексемы, имеющие отношению к лексико-словообразовательному гнезду *вальяжный*:

Вальяжиться, 'Важничать, чваниться; зазнаваться'. Новг., 1855. Новг.

Вальяжничать, '1. Вести праздный образ жизни, бездельничать'. Новг., 1896. Яросл. '2. Медленно, неторопливо делать что-либо; мешкать'. Шуйск. Влад., 1912 – 1913.

Вальяжно, 'Просторно'. Ворон., 1893.

Вальяжный, '1. Вольготный'. Ворон., 1893. '2. Веселый, словоохотливый'. Перм., 1852. '3. Угодливый, мягкий в обращении'. Челябин., 1914 [6, Т. 4, с. 33].

В «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова приведены лексические единицы *вальяжный, вальяжно, вальяжность* [8, Т. 1, с. 138], однако глаголы отсутствуют в данном лексико-словообразовательном гнезде.

Производящая основа *великий* в литературном языке является вершиной хорошо развернутого словообразовательного гнезда, представленного 60-ю единицами [8, Т. 1, с. 147]. Среди них отмечен глагол *величаться*, '1. Вести себя заносчиво, кичиться, чваниться; бахвалиться'. Даль [без указ, места]. Кунгур. Перм., Перм., 1899. *Посадили за стол, а он величается*. Арх. || 'Показывать свою силу, превосходство над кем-либо'. Обоян. Курск. [6, Т. 4, с. 110]. Однако в «Словообразовательном словаре» не отмечены единицы:

Великанить, 'Возвеличивать'. *Они себя великанют*. Тарск. Тобол., 1910.

Великаниться, 'Гордиться, важничать'. *Муж у нее хорошо живет, так вот она и великанится*. Покр. Влад.. 1905–1921. [6, Т. 4, с. 107].

Великаться, 'Важничать, хвалиться, превозноситься'. Вят., 1882 [6, Т. 4, с. 108].

В литературном языке представлено хорошо развернутое словообразовательное гнездо с вершиной *ветер* в составе 92 лексических единиц, их них 23 глагола [8, Т. 1, с. 163], однако отсутствует обнаруженный в говорах *ветрить*, '1. Сушить на ветру'. Ярослав., 1820. Перм. 'Проветривать, держать на ветру, чтобы удалить запах сырости, нафталина и т. п.' Барнаул, 1929 – 1935. '2. Обладать способностью отыскивать дичь чутьем (обонянием) «по ветру»'. *Собака эта славно ветрит*. Даль [без указ. места]. '3. Веселиться, гулять, кутить, вести себя легкомысленно' [6, Т. 4, с. 202].

Глагол *ветрить* отмечен и в художественной литературе: «Пегонья птичка захлебнулась вешней высотой и пошла крыльями играть, перья *ветрить*» (В. Астафьев «Последний поклон», 1968–1991) [3].

Лексико-словообразовательное гнездо с производящей основой *люди* представлено в литературном языке 63-мя единицами. Среди них отсутствуют следующие лексемы, отмеченные в диалектных словарях:

Вылюдит, 'Вырастить, воспитать'. *Я пять сыновей вылюдила одна* [5, с. 116].

Вылюдник, 'Лучшая одежда, в которой ходят в гости, на гулянье и т. п.; праздничная одежда' [6, Т. 5, с. 307].

Вылюжаться, '1. Наряжаться, одеваться для выхода в гости, на гулянье.' Пск., 1852. '2. Выделяться, отличаться чем-либо от других'. *Девка с вечера вылюдилась: напяла втрое больше вечеринного*. Новг., 1854. '3. Кривляться, ломаться, представляться'. Пск., 1899. 'Ломаться, корчить барина'. Великолукск. Пск. [6, Т. 5, с. 307].

Данные Национального корпуса русского языка позволяют проследить употребление тех или иных лексем в текстах различных жанров, в данном случае, в произведениях художественной литературы: «У Достоевского – богохульничает и шизеет, у Толстого зверствует на войне и лжет в миру, у Чехова – валяется в грязи и хнычет, у Есенина – тоскует, у Горького – перековывается в революционной борьбе, затем в ГУЛАГе, у Булгакова – «шариковствует», пытаюсь *вылюдиться*, у Шолохова – самоедствует и бандитствует, у Солженицына – рабствует» (Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 1, 2001) [3].

Таким образом, использование корпусных технологий позволяет получить данные об употреблении лексических единиц в текстах различных типов и жанров, учитывая частотность и «лексическое окружение» лексем. Анализ лексических единиц различных уровней языковой системы позволяет осуществить моделирование фрагментов синтезированных деривационных гнезд, обнаружить лексические и словообразовательные лакуны, что позволяет более глубоко изучить словообразовательные отношения системы русского языка.

Библиографический список

1. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000. – в 2 т. – 1209 с.
2. Добровольский, В.Н. Смоленский областной словарь. – Типография П.А. Силина. – Смоленск, 1914. – 1021 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – М., 2003–2015. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 31.08.2018.
4. Никитевич, А.В. Когнитивно значимая диалектная лексика в составе синтезированных фрагментов лексико-словообразовательных гнезд (литературный язык/говоры) // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24 – 26 мая 2018 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО «Аверс», 2018. – с. 176 – 181.
5. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия [Текст] : учебное пособие по русской диалектологии / Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева; [сост.: Большакова Э.С. [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 1978 – 2006.
6. Словарь русских народных говоров: 1965 – 2007. – М. – СПб.: Изд-во Академии наук СССР; Институт лингв. Исследований РАН. – Вып. 1–42.
7. Словарь языка интернета.ru / Под. ред. М. А. Кронгауза. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.
8. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : ок. 145000 слов : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985.

МАРКЕРЫ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В ДЕФИНИЦИЯХ НАИМЕНОВАНИЙ НАСЕКОМЫХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. Мартюшова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Северный (Арктический) Федеральный
университет имени М. В. Ломоносова,
Гуманитарный институт,
г. Северодвинск, Россия*

Summary. The paper is aimed at revealing nouns, adjectives, phrases with the meaning «position in space». The paper deals with definition of butterfly names in German. Special attention is paid to nouns, adjectives and phrases as means of expression of semantic category «space».

Keywords: semantic category «space», meaning, means, definition.

В русле функциональной грамматики семантическая категория пространства (называемая также «семантической категорией локативности») рассматривается как одна из основных понятийных категорий. Её детерминирование неоднократно становилось объектом исследований отечествен-

ных и зарубежных лингвистов. Детерминаторами данной категории являются разноуровневые средства выражения пространственных отношений.

Базовым понятием для категории локативности является 'пространство'. На сегодняшний день в лингвистике существует большое количество толкований этого понятия. Некоторые из них противоречат друг другу, другие же, напротив, дополняют. Часто пространство толкуется очень широко. Так, например, О. П. Флоренский считал, что действительность является лишь особой организацией пространства (цит. по [1, с. 71]), а С. И. Шарина рассматривает его как средство, «обозначающее связь двух субстанций» [2, с. 94].

Некоторые лингвисты описывают пространство посредством перечисления его признаков. К ним мы можем отнести определение Е. Е. Яковлевой, согласно которому: «трёхмерное пространство характеризуется рядом признаков, а именно: наличие длины, ширины, образующих протяжённость пространства, или горизонтальную его плоскость; высоты или глубины, образующих вертикальную плоскость пространства. Эти признаки в совокупности создают объём, который структурируется, заполняется какими-либо элементами; элементы (предметы или субъекты) занимают определённые места по отношению друг к другу, образуя некоторые устойчивые конфигурации, что задаёт границы объекта по отношению к окружающей среде» [3].

Одним из средств, наиболее явно репрезентирующих локативное значение, являются лексические единицы. В первую очередь это имена существительные, называющие различные локации, во вторую – имена прилагательные, образованные от этих существительных.

Нами были проанализированы дефиниции названий бабочек, представленные в немецком толковом словаре «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» [4]. Изучение содержащихся в них локативных маркеров позволяет сделать следующие выводы:

Не все толкования названий бабочек немецкого языка включают в себя детерминаторы семантической категории пространства.

В тех случаях, когда маркер локативности присутствует в значении слова, он примерно в 70 процентах случаев манифестирует место обитания данного вида бабочек (континенты: *Afrika*, *Europa* и т.д.; климатические зоны: *Tropen*, *Suptropen* и т.д.; типы ландшафтов: *Wälder*, *Wiesen* и т.д.). Чаще всего локативная характеристика репрезентируется именем существительным, или словосочетанием, где имя существительное играет роль главного слова.

Например:

Augenspinner, der [nach dem augenähnlichen Fleck auf der Flügelmitte bei den meisten Arten]: (in zahlreichen Arten bes. in den Tropen u. Subtropen vorkommender) vor allem nachts fliegender, großer, meist bunt gefärbter Schmetterling [4].

Мы видим, что в толкование вида включена следующая информация: размер (*großer*), время активности (*vor allem nachts fliegender*), окраска (*meist bunt gefärbter*) и место обитания (*in den Tropen u. Subtropen*). Последняя характеристика репрезентирована словосочетанием «предлог + имя существительное» и указывает на климатическую зону.

Следующая дефиниция является иллюстрацией включения в дефиницию в качестве места обитания континента или его части (Восточная Азия).

Maulbeerseidenspinner, Maulbeerspinner, der: (in Ostasien beheimateter) zur Seidengewinnung gezüchteter, grau- bis bräunlich weißer Schmetterling [4].

Тип ландшафта (леса) репрезентирован в следующем толковании:

Schönbär, der: besonders in feuchten, buschreichen Wäldern lebender Schmetterling mit weiß und gelb gefleckten, grünschwartz glänzenden Vorderflügeln und rot und schwarz gezeichneten Hinterflügeln [4].

В качестве репрезентанта локативной характеристики выступает имя существительное *Wälder*, перед которым стоят два согласованных определения, конкретизирующих значение субстантива: не просто леса, а леса, влажные и богатые кустарниками.

В качестве маркера локативности, как уже было отмечено выше, могут выступать и отсубстантивные прилагательные. Например:

Tussahspinner, der: großer asiatischer Schmetterling, aus dessen Kokons Seide gewonnen wird [4].

Zygäne, die: ein mitteleuropäischer Schmetterling [4].

В первом примере локативное имя прилагательное (*asiatisch*) является производным от названия континента-субстантива (*Asien*), во втором случае также имя прилагательное (*mitteleuropäisch*) образовано от имени существительного, называющего континент (*Europa*) с помощью словообразовательного форманта (*mittel*), конкретизирующего семантику производного слова.

Также были выявлены дефиниции, в которых локативная характеристика представлена не явно, а опосредованно. Например, в толковании могут быть упомянуты растения, необходимые для жизни насекомого. Часто это растение или его части выступают как питание для личинок/ гусениц. Отсюда можно сделать вывод об ареале вида – это территория, на которой это растение выращивается/ произрастает. Рассмотрим следующий текст:

Kohlweißling, der: gelblich weißer Schmetterling mit schwarzer Zeichnung an den Spitzen der Flügel, dessen gelbgrüne Raupen in großer Zahl als Schädlinge an Kohl auftreten [4].

В приведённом толковании в качестве локативной характеристики может быть рассмотрено имя существительное *Kohl*, являющееся наименованием растения (капуста).

Также:

*Erbsenwickler, der: olivbrauner Schmetterling, dessen Larven durch Fraß an **Erbsen** schädlich werden* [4].

Растение может быть не только выращиваемым искусственно, но и дикорастущим:

*Kieferntriebwickler, der: kleiner Schmetterling mit ziegelroten Vorderflügeln, dessen Raupe im Frühjahr die jungen **Kieferntriebe** frisst* [4].

В двух случаях были выявлены дефиниции, где детерминаторами семантической категории пространства являлись словосочетания («предлог + имя существительное»), которые репрезентировали место обитания гусениц (некий мешок из паутины, травы, песка):

*Sackmotte, die: oft metallisch glänzender Schmetterling mit langen, schmalen Flügeln, dessen Raupen **in einem sackartigen Gespinst** leben* [4].

*Sackträger, der: kleiner, bräunlicher oder schwärzlicher Schmetterling, dessen Raupen **in sackartigen, mit Pflanzenteilen oder Sand verkleideten Gespinsten** leben* [4].

Итак, детерминаторы категории локативности в дефинициях названий бабочек современного немецкого языка представлены не всегда. Когда они наличествуют, они репрезентируют места обитания вида (континенты, климатические зоны, ландшафты). Локативное значение репрезентировано словосочетаниями, главным словом в которых являются имена существительные. В единичных случаях оно может быть выражено отсубстантивными именами прилагательными.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/>. (Дата обращения: 28.05.2018 г.).
2. Яковлева Е.Е. Выражение категории пространства в современном русском языке : на примере художественных произведений С.Н. Сергеева-Ценского: Дисс. на соиск. степ. канд. филологических наук, 10.02.01. Тамбов, 2003. 204 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/vyrazhenie-kategorii-prostranstva-v-sovremennom-russkom-yazyke-na-primere-khudozhestvennykh> (Дата обращения: 04.05.2018 г.).
3. Шарина С.И. Функционально-семантическая категория локативности в эвенском языке // Вестник СВФУ. – 2011. – Том 8. – № 3. – С. 93-98.
4. Das Wörterbuch Duden online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de>. (Дата обращения: 09.08.2018).

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В ЯЗЫКЕ ФОНЕТИКИ

К. А. Мякшин

*Кандидат филологических наук, доцент,
Северный арктический федеральный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Россия*

Summary. The article deals with the phenomenon of homonymy in English phonetic terminology. The whole terminological inventory of the research was analyzed in order to identify cases of homonymy of specific terminological vocabulary. The analysis assesses the role of homonymy as a way of forming new words in the sphere of narrow-specific (phonetic) vocabulary.

Keywords: terminological system; homonym; phonetic term.

В современной лингвистике под омонимией традиционно понимается лексико-семантический процесс, при котором возможно появление и функционирование двух и более равнозвучащих языковых знаков, семантически не связанных друг с другом.

Вопрос о допустимости омонимии как одного из основных лексико-семантических процессов в терминологии по-прежнему остается дискуссионным [2, с. 65].

Дискуссионность данного вопроса состоит в том, что термин обладает однозначным соотношением означающего и означаемого. Подобная однозначность должна препятствовать появлению полисемии, синонимии и омонимии. Тем не менее, в действительности, термин подвержен тем же лексико-семантическим процессам, которые происходят и в общеязыковой лексической системе.

Вопрос об омонимии, наблюдаемой в отраслевых терминологиях, рассматривали в своих работах многие терминоведы [1; 6].

Несмотря на то, что термины испытывают на себе влияние лексико-семантических процессов, происходящих в общелитературном языке, существует различие между тем, как данные процессы протекают в общепотребительной лексике, и как они протекают в терминологии. Отличие заключается в том, что эти процессы «не затрагивают характерных лексико-семантических признаков в терминологии. Они протекают в тех пределах, которые не нарушают семантической определенности термина» [2, с. 65].

Авторы «Общей терминологии», указывая на особенности полисемии, синонимии и омонимии в терминологической сфере, отмечают: «Если в общей лексике последовательно представлены такие явления, как полисемия, омонимия, синонимия, то в специальной лексике они имеют свои особенности и ограничения. Так, в качестве желаемых требований для терминов выделяют однозначность, т.е. одно слово – один смысл, что означает отсутствие у термина полисемантических отношений, омонимов, синонимов. На практике дело обстоит иначе. Термин не может избавиться

от материальной языковой формы, где все эти отношения неизбежно присутствуют, тем не менее, терминологии производят отбор синонимов, спецификацию омонимов, разделение полисемии для достижения тех требований, которые предъявляются к термину» [6, с. 55].

Итак, противоречивость статуса термина заключается в том, что как слово он способен вступать в отношения полисемии, синонимии и омонимии, но как специальное название определенного понятия – он должен быть однозначным.

Согласно определению «Толкового переводческого словаря» Л. Л. Нелюбина, омонимы – это слова, принадлежащие к одной и той же части речи и одинаково звучащие, но различные по значению [4, с. 107].

А. В. Суперанская и др. [6, с. 44–45], определяя омонимы как «одинаково звучащие слова, имеющие разные значения», устанавливают следующие источники омонимии:

- размежевание двух или нескольких значений многозначного слова;
- изменение слов, ранее звучащих по-разному;
- заимствования из разных источников, кальки, переводы.

Вопрос о существовании омонимии в терминологии является дискуссионным. Так, А. А. Реформатский писал: «Если многозначность – законное явление языка, то омонимия – «незаконна», нежелательна, но постоянно может встретиться в связи со звуковыми законами, заимствованиями, с «перерождением полисемии» и т.д. Кроме того, надо учитывать еще и так называемую «межотраслевую омонимию», т.е. случаи, когда одно и то же слово является термином в разных науках или терминологиях, но выражает разные понятия (например, *реакция*, *ассимиляция*, *операция* и т.д.). Что же делать в таких случаях терминому? Это вопрос принципиальный, одновременно и теоретический, и практический, требующий решения и рекомендации того или иного решения» [5, с. 52].

На распространенность в терминологии межнаучной или междисциплинарной омонимии, возникающей при создании омонимичных терминов в различных отраслях науки, указывают также И. С. Куликова и Д. В. Салмина [3, с. 28].

Избежать полностью явления омонимии в терминологии трудно, поскольку в терминологии протекают в большинстве своем те же языковые процессы, что и в общеупотребительной лексике. Более того, невозможно изолировать лексику специальной науки от взаимодействия с общелитературным языком. Нежелательное явление омонимии будет существовать до тех пор, пока каждая отдельно взятая отрасль науки не будет отграничена от языковых процессов, а лексемы для обозначения новых понятий не перестанут заимствоваться из общеупотребительной лексики.

Согласно многим современным авторам, в терминологии наиболее распространена междисциплинарная терминологическая омонимия [1; 2; 7]. В. П. Даниленко выделяет два релевантных признака, характерных для

этого вида терминологической омонимии, а именно: (1) закрепление за терминами разных дефиниций и (2) функционирование терминов-омонимов в разных терминологических системах [2, с. 70].

С учетом этих признаков вся фонетическая терминология, отобранная для данного исследования и насчитывающая 2465 терминов, была проанализирована на предмет выявления случаев междисциплинарной омонимии. Рассмотрим более подробно выявленные случаи междисциплинарной омонимии.

В результате обследования словаря «Concise Dictionary of Linguistics» [11] установлено, что омонимичные терминологические пары образуют термины *accent*, *formant*, *head*, *strong*, *tense*, *voice*, поскольку их дефиниции закреплены за разными словарными статьями, а сами они относятся в различным терминосистемам лингвистики.

Например, термин *accent* представлен в двух словарных статьях:

I. A phonological unit realized by auditory prominence, especially within a word.

II. A variety of speech differing phonetically from other varieties: thus, as in ordinary usage, 'a Southern accent', 'Scottish accents' [11, с. 4].

Термин *formant* также представлен в двух словарных статьях:

I. A peak of acoustic energy centred on one point in the range of frequencies covered by the spectrum of a vowel. Vowels have several formants, but the distinctions as perceived between them lie, in particular, in the three lowest.

II. Formative [11, с. 133–134].

Термин *head* представлен в следующих независимых словарных статьях:

I. A single element in a construction which characterizes or may stand for the construction as a whole.

II. The part of the intonation pattern that falls on syllables preceding the nuclear or tonic syllable [11, с. 158].

Термин *strong* представлен в следующих двух словарных статьях:

I. (Verb, formation, etc.) in Germanic languages distinguished by ablaut as opposed to suffixing.

II. (syllable. etc.) [11, с. 356].

Термин *tense* представлен в следующих словарных статьях:

I. Inflectional category whose basic role is to indicate the time of an event, etc. in relation to the moment of speaking.

II. Articulated, or claimed to be articulated, with greater effort of the relevant muscles. Opp. lax [11, с. 374].

Термин *voice* представлен в двух словарных статьях:

I. Vibration of the vocal cords in the production of speech.

II. Used conventionally from the late Middle Ages for a grammatical category by which forms of verbs are opposed as active or passive, or as active, passive, or middle [11, с. 398].

Итак, из представленных выше примеров следует, что практически все выявленные случаи относятся к явлению междисциплинарной омонимии. Термины имеют различные дефиниции, закрепленные за независимыми словарными статьями, а дефиниции относятся к различным научно-лингвистическим отраслям. Лишь один из представленных терминов имеет омоним, позволяющий отнести возникшую омонимическую терминопару к разряду интрадисциплинарных (фонетический термин *accent*). Сходная картина наблюдается и при обследовании ряда других лингвотерминологических словарей [8; 12; 9; 10].

В результате анализа лексикографических источников было зафиксировано исчезающее малое число случаев омонимии, составившее менее 1% всего терминологического массива исследования.

Резюмируя, можно сделать вывод, что омонимия, будучи весьма распространенным лексико-семантическим процессом, протекающим в общеязыковой лексической системе, не может рассматриваться как продуктивный способ образования новых слов в сфере узкоспециальной (фонетической) лексики.

Библиографический список

1. Гринев, С.В. Введение в терминоведение [текст] / С.В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 248 с.
2. Даниленко, В.П. Русская терминология (Опыт лингвистического анализа) [текст] / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
3. Куликова, И.С., Салмина, Д.В. Введение в металингвистику [текст] / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. – СПб.: Сага, 2002. – 352 с.
4. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводческий словарь [текст] / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта; Наука, 2001. – Изд. 2-е, перераб.
5. Реформатский, А.А. Введение в языковедение [Текст] / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1973. – 536 с.
6. Суперанская, А.В., Подольская, Н.В., Васильева, Н.В. Общая терминология. Вопросы теории [текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Издательство Едиториал УРСС, 2004 г. – 246 с.
7. Татаринov, В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь [текст] / В.А. Татаринov. – М.: Моск. лицей, 2006. – 528 с.
8. Трахтеров, А.Л. Английская фонетическая терминология [текст] / А.Л. Трахтеров. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1962. – 348 с.
9. Crystal, D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics [text] / D. Crystal. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – 5th ed. – 508 p.
10. Crystal, D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics [text] / D. Crystal. – Oxford: Blackwell Publishing, 2008. – 6th edition. – 555 p.
11. Matthews, P.H. Concise Dictionary of Linguistics [text] / P.H. Matthews. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 410 p.
12. Roach, P. A little Encyclopaedia of Phonetics [text] / P. Roach. – University of Reading, 2002. – 93 p.

II. LANGUAGE AS A SOCIO-CULTURAL ORGANISM

ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Н. П. Астрамецкая

*Преподаватель,
УО «Минский государственный
профессионально-технический колледж
полиграфии имени В. З. Хоружей»,
г. Минск, Беларусь*

Summary. This article provides characteristics of functioning and evolution of language in the social and cultural environment, which undergoes globalization processes. It contains analysis of «reactions» of the language's inner forms to intense social and cultural transformations. It also determines some aspects of interaction between language and society, which are caused by the main trend of the modern era – digital transformation.

Keywords: linguistics; globalization; digital transformation; social and cultural environment; communication.

Человечеству в XXI веке предоставлены колоссальные объёмы информации. Любая социальная информация проявляется и фиксируется в языке [4, с. 17]. Поэтому в эпоху глобальных изменений, затрагивающих духовную и социальную сферу жизни, все языковые процессы необычайно ускоряются. И, как следствие, возрастает интерес к изучению свойств и особенностей языка, его функций и специфики. Язык начинает восприниматься как важнейший атрибут социальных и культурных преобразований и становится не только средством осуществления коммуникаций, но и фактором моделирования общественных процессов. Языковая система служит для человека способом познания мира и осознания своих отношений с ним. Система эта достаточно статична, однако язык всегда реагирует определёнными изменениями на воздействие социума и, в свою очередь, также оказывает влияние на общественные процессы [1, с. 5]. Человеческое сознание пользуется языком как инструментом для выражения современных социокультурных реалий, характеризующихся активным внедрением информационных технологий. Цифровые трансформации изменили язык людей и оказали на него влияние значительно большее, чем наука. Новая культурная реальность предлагает искусственные механизмы и инструменты для познания окружающей действительности – компьютер, телевидение, Интернет, кино. Визуальные образы слишком быстро сменяют друг друга, что не позволяет человеку достаточно глубоко проникнуть в суть происходящего. Это приводит к формированию нового типа мышле-

ния с минимумом анализа и дискретной логикой. Такое мышление меняет и формы, и структуру, и смысл межличностных коммуникаций.

Особенности общения между людьми в значительной мере обусловлены возможностями цифровых каналов коммуникации, появление которых предполагает возникновение нового типа речевого взаимодействия. В его основе – коммуникация индивидов посредством компьютера и компьютерных сетей. Цифровые трансформации социокультурной сферы приводят к появлению различных сетевых технологий, служащих для интенсификации передачи информации между субъектами общения с использованием мультисенсорных каналов – осязания, слуха, обоняния, визуализации и даже вкусового восприятия. Цифра диктует новые способы коммуникаций, при которых усиливается стимуляция всех органов чувств. Языковые средства на фоне активизации цифровых технологий используются параллельно с сенсорными ощущениями.

Создание и внедрение автоматизированных средств обработки информации вывели людей на новый этап эволюции. Сегодня человечество переживает социальную трансформацию, то есть радикальное и быстрое изменение социального типа общества. В осмыслении трансформационного процесса важен социокультурный подход – понимание общества как единства социальности и культуры, образуемых деятельностью человека и выраженных в языке [4, с. 17]. Язык как социокультурная ценность обладает свойством интегрировать самое значительное, а затем выстраивать модель культуры определённого сообщества людей, играя роль проводника и носителя социальных и культурных явлений. Социокультурная трансформация сегодня – это внедрение информационных и телекоммуникационных технологий, которые привели к эволюционному преобразованию общества (как социокультурной системы) и его языка. Воздействие таких технологий на социум заставляет искать новые подходы к изучению ключевых аспектов коммуникативной культуры во всех сферах жизни человека.

Информация, главное качество которой – смысл, в XXI веке приобретает статус важного и ценного продукта. Этот факт выводит коммуникацию на новый уровень: в приоритете современной научной парадигмы – визуализация как средство наиболее быстрого достижения сознания индивида [3, с. 101]. Цифровые технологии усиливают тенденцию сближения отдельных видов искусства (театр, музыка, литература, живопись) при создании рекламных или виртуальных продуктов для оптимизации вербальных возможностей языка. Средства массовой информации формируют общественное мнение, а посредством визуализации способны оказывать не только сильное влияние на сознание субъекта, но и воздействовать на поведение целых социальных институтов.

Язык – подвижный организм с удивительными адаптивными свойствами к изменениям, вызванным экстралингвистическими факторами. На относительно коротком отрезке времени (жизнь одного-двух поколений

людей) наступают стремительные изменения в социальной, культурной, политической и экономической сферах. Цифровые технологии современности делают этот процесс ещё более динамичным. В эпоху всеобщей компьютеризации становится проще выявить, зафиксировать и систематизировать языковые изменения.

Язык и жизнедеятельность его носителей представляют собой двуединый разнонаправленный процесс: язык ограничивает человека определённым набором речевых средств и элементов, однако человек, развиваясь и познавая окружающий мир, может изменять язык, внося новые номинативные элементы или устанавливая новые грамматические нормы и правила. Взаимоотношения языка и его носителей определяются, в первую очередь, преобразованиями социокультурной среды [1, с. 5]. Цифровые трансформации, овладевая всеми сферами человеческого существования, заставляют язык реагировать на эти изменения и изменяться самому. Особенностью современной коммуникации при большом культурном разнообразии стилей и плюрализме является стремление создать языковые конструкции для успешного межкультурного общения. Компьютер высвободил языковые тексты из оков материальности, а интернет снял пространственно-временные ограничения на распространение информации. Цифровые медиа, основанные на принципах автоматизации, модулярности и транскодирования стали принципиально новой формой познания мира.

Экспансия социальных сетей в человеческую повседневность в значительной степени повлияли на трансформацию классической языковой системы и обусловили появление новых форм и видов межличностных коммуникаций. Социальные сети служат пространством для обмена не только текстовой информацией, но и аудиозаписями, фото- и видеоматериалами. Веб-сайты, онлайн-сервисы и другие формы электронной коммуникации выполняют функцию организации и построения социальных отношений [2, с. 239]. Общение в сети Интернет отражает процессы, происходящие в социуме, и затрагивает все уровни современного языка, придавая ему черты устной разговорной речи: диалогичность и актуальность (ситуативность); использование сокращений и создание новых, часто неожиданных аббревиатур; отсутствие знаков препинания и заглавных букв; употребление смайликов и гифок для передачи эмоциональной составляющей речи. Язык молодёжи становится более демократичным, но, при этом, менее нормированным и кодифицированным. Примером могут служить различные интернет-форумы, текстовое общение на которых похоже на фонетическую запись речи (со всеми произносительными особенностями). Язык коммуникаций приобретает новые номинативные вариации. В СМИ, ориентированных на молодёжь, в художественной литературе, а также в «неофициальных» текстах, которые создают сами молодые люди (веб-форумы, электронные дневники, sms-переписка, общение в чатах, блог-выписи), часто слова или служебные элементы передаются при помо-

щи цифр или аббревиатур, жаргонных новообразований, сленговых номинант, приобретающих статус общеупотребительных единиц. Современные средства массовой информации влияют на речевую норму, либерализируют язык, стимулируют новые словообразования и устанавливают новые нормы и правила [5]. «Цифровое» общение приводит к появлению нового стиля коммуникаций – «e-homos», представляющего собой особую разновидность интернет-языка – компьютерный сленг. Это языковое образование, в отличие от других видов сленга, имеет письменную форму, что обуславливает выполнение им языковых функций, сопоставимых даже с функциями литературного языка. Происходит это вследствие того, что язык интернет-общения по-своему «обрабатывает» и отображает социальные явления и ситуации, служащие постоянным источником расширения и пополнения его номинативных единиц. Лексические новообразования, возникающие в этом языковом процессе, восходят к прототипам из сферы официального языка, закреплённого в сознании носителей традиционной и массовой культуры современного социума, и следуют привычным литературным нормам.

Интернет-коммуникация, с одной стороны, осуществляется в рамках языковой системы и служит номинацией процессов, происходящих в современном языке, с другой – обнаруживает черты, не свойственные литературному языку. Такие приёмы, как метафоризация, замена одного звучания на другое или, наоборот, замена слова (или части слова) компонентом, заимствованным из английского языка, звукоподражание, аббревиация, использование цифр, каламбур являются специфическими способами образования новых языковых единиц в системе сетевого общения. Отражая процессы, происходящие в социуме и, особенно, в молодёжной среде, компьютерный язык активно расширяет сферу функционирования – выходит за рамки сетевых коммуникаций и им начинает активно пользоваться не только молодёжь.

«Цифровое» общение накладывает на язык дополнительные функции: 1) функцию «сопротивления» стандарту в речевой деятельности современного социума; 2) функцию обновления стёршейся или вовсе отсутствующей экспрессивности языковых единиц. Применительно к интернет-языку «e-homos», эти функции определяют характер выражения культуры речевой коммуникации. Они проявляются в концептуальном слиянии значений и смыслов, конструировании лексических единиц и межкультурной интеграции. Культурно значимыми маркерами языковых процессов в эру цифровых преобразований становятся:

- тенденция к демократизации языка;
- смешение коммуникативных стилей и регистров;
- сближение бытовой лексики поликультурного пространства («включение» в себя всевозможных культурных феноменов);

- метафорические, каламбурные и фразеологические смысловые смешения и наложения;
- статусное использование имени собственного, франшизы, бренда;
- эвфемизмы, аллюзии, ирония и пародирование.

В мире цифровых трансформаций человечество стремится к единому межкультурному пространству, в котором язык не только приобретает унифицированную форму, но и наполняется новыми языковыми формами, зависящими от вариаций прочтения культурной парадигмы.

Таким образом, язык как социокультурный организм – живой и гибкий – быстро адаптируется к новым условиям. Внутренние языковые процессы, активизирующиеся под влиянием цифровых преобразований в социальной, экономической, образовательной, культурной и политической сферах, затрагивают все элементы языковой системы. Язык, обладая феноменальной особенностью выступать в качестве индикатора социально-исторических преобразований, пронизывает все слои общества, одновременно и объединяя их в целостный организм и акцентируя внимание на специфических различиях каждого из них. Оказавшись под влиянием трансформационных процессов, язык приобретает специфические функциональные свойства и качества, которые отчётливо проявляют себя во всех областях человеческого бытия: изменения в словарном составе, появление неологизмов и иноязычных заимствований, расширение жаргонно-сленговой лексики, рост количества узкопрофессиональных номинаций. Все эти изменения находятся в непрерывном процессе, а цифровые трансформации социокультурной среды делают его ещё более грандиозным и масштабным.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. – Л., 1975. – С. 5.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного/ Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – С. 239.
3. Жданов Г. Б. Информатизация и сознание // Вопросы философии, 2000, № 11. – С. 101.
4. Лапин Н. И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии 2000, № 6. – С. 17.
5. Хайдарова В. Ф. Становление лексико-фразеологического корпуса интернет-языка как синергетический процесс: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 // В. Ф. Хайдарова; Магнитогорский гос. ун-т – Челябинск, 2011.

ХРОНОЛОГИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘MUSICAL INSTRUMENT’ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Г. Булыгина

Кандидат филологических наук, доцент,
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Северодвинск, Россия

Summary. This article observes the English lexical units with the meaning ‘musical instrument’ which are borrowed to the English language. The purpose of this article is the description of the periods when these lexical units were borrowed.

Keywords: lexical unit; borrowing; chronology; history of the English language; musical instrument.

Предметом рассмотрения данной работы являются заимствованные единицы со значением ‘musical instrument’ в современном английском языке, извлеченные из толковых словарей английского языка The Merriam–Webster Online Dictionary, Oxford Learner’s Dictionaries, Oxford Dictionaries. Материал составляют 111 единиц, которые анализируются с позиции хронологии их заимствования в английский язык.

Словарные дефиниции исследуемых в работе единиц были проанализированы нами с точки зрения указания на период, в который они были заимствованы в английский язык. Такими указаниями стали пометы типа *First Known Use: 13th century*, *First Known Use 1697*, а также *Old English*, *Late Middle English*, *early 18th cent.*, *late 19th cent.*, *1950s*, например: *organ* ‘(also pipe organ) a large musical instrument with keys like a piano. Sounds are produced by air forced through pipes’; Origin – **late Old English**, via Latin from Greek *organon* ‘tool, instrument, sense organ’, reinforced in Middle English by Old French *organe* [3]; *lute* ‘an early type of musical instrument with strings, played like a guitar’; Origin – **Middle English**: from Old French *lut*, *leut*, probably via Provençal from Arabic *al-’ūd* [3]; *fife* ‘a musical instrument like a small flute that plays high notes and is used with drums in military music’; Origin – **mid 16th cent.**: from German *Pfeife* ‘pipe’, or from French *fifre* from Swiss German *Pfifer* ‘piper’ [3]; *koto* ‘a musical instrument, a long Japanese zither having 13 strings’; Origin – Japanese / **First Known Use: 1795**’ [4]; *conga* ‘(also conga drum) a tall narrow drum that you play with your hands’; Origin – **1930s**: from Latin American Spanish, from Spanish, feminine of *congo* ‘Congolese’ [3].

Отметим, что указание на период заимствования имеется лишь у 82 лексических единиц нашего языкового корпуса, поэтому данный аспект анализа проведен на 74 % лексических единиц.

Разные периоды характеризуются различной интенсивностью притока заимствованных слов. В зависимости от конкретных исторических условий, она то увеличивается, то падает. Степень влияния одного языка на другой при этом в значительной мере зависит от языкового фактора, а именно от степени близости взаимодействующих языков, т.е. от того, являются ли они близкородственными или нет [1, с. 180].

В истории английского языка традиционно выделяют три основных периода: древнеанглийский (450–1066 гг., год начала норманнского завоевания), среднеанглийский (1066–1500) и новоанглийский (с 1500 г. по настоящее время). Исследуемый в нашей работе материал можно также распределить по указанным периодам.

Так, в древнеанглийский период были заимствованы 3 единицы, например: *cymbal* ‘a musical instrument in the form of a round metal plate. It is hit with a stick, or two cymbals are hit against each other’; Origin – **Old English**, from Latin *cymbalum*, from Greek *kumbalon*, from *kumbē* ‘cup’; readopted in Middle English from Old French *cymbal* [3]; *organ* ‘(also pipe organ) a large musical instrument with keys like a piano. Sounds are produced by air forced through pipes’; Origin – **late Old English**, via Latin from Greek *organon* ‘tool, instrument, sense organ’ [3].

Отметим, что лексический состав древнеанглийского языка довольно однороден. В основном это исконные слова (общеиндоевропейские, общегерманские и собственно английские), а заимствованные единицы составляют лишь незначительную часть. Главным образом, речь идет о словах латинского происхождения, представляющих собой названия вещей и понятий, с которыми англосаксонские племена познакомились еще на континенте (так называемый первый слой латинских заимствований, которые попали в английский язык еще в первые века н.э.). Второй слой латинских заимствований представлен словами в основном книжного характера, обозначающими религиозные и обрядовые понятия, которые появились в связи с введением христианства на территории Англии в конце 6 – начале 7 вв. То есть, лексические заимствования этого периода – слова, называющие основные, жизненно необходимые для человека понятия, куда не входили особые, специфические наименования музыкальных инструментов.

Существительные со значением ‘musical instruments’, пришедшие в английский язык в среднеанглийский период (Middle English), насчитывают 18 лексических единиц, например: *psaltery* ‘an ancient and medieval musical instrument like a dulcimer but played by plucking the strings with the fingers or a plectrum’; Origin – **Middle English** *sautrie*, from Old French *sauterie*, from Latin *psalterium* [2]; *lyre* ‘an ancient musical instrument with strings fastened in a frame shaped like a U. It was played with the fingers’; Origin – **Middle English**: via Old French *lire* and Latin *lyra* from Greek *lura* [3]; *gittern* ‘a lute-like medieval stringed musical instrument, forerunner of the guitar’;

Origin – **Late Middle English**: from Old French *guiterne*; perhaps related to cittern and guitar [2].

Переходом к среднеанглийскому периоду в истории языка обозначают норманнское завоевание, началом которого считается 1066 год. Норманны, скандинавское племя, переселившееся за два века до этого на территорию современной Франции, восприняли язык и культуру своей новой страны, и именно французский язык они принесли с собой на Британские острова. В результате норманнского завоевания французский язык на два с лишним века стал языком правящих классов, языком королевского двора, парламента, судопроизводства, церкви и школы. Словарный состав языка в течение среднеанглийского периода почти полностью обновился за счет чрезвычайно большого числа заимствований, главным образом скандинавских и французских.

Наибольшим количеством заимствований, являющихся названиями музыкальных инструментов, представлен новоанглийский период.

Так, 6 лексических единиц нашего корпуса примеров – это лексические единицы, заимствованные в английский язык в 16 веке, например: *timbrel* ‘a tambourine or similar musical instrument’; Origin – **early 16th century**: perhaps a diminutive of obsolete *timbre*, in the same sense, from Old French [2]; *cittern* ‘an early type of musical instrument with strings, played like a guitar’; Origin – **mid 16th cent.**: from Latin *cithara*, from Greek *kithara*, denoting a kind of harp [3].

7 лексических единиц, представленных в нашем исследовании – это наименования музыкальных инструментов, первое употребление которых датировано 17 веком, например: *flageolet* ‘a very small flute-like musical instrument resembling a recorder but with four finger holes on top and two thumb holes below’; Origin – **Mid 17th century**: from French, diminutive of Old French *flageol*, from Provençal *flaujol* [2]; *theorbo* ‘a large lute with the neck extended to carry several long bass strings, used for accompaniment in 17th and early 18th century music’; Origin – **Early 17th century**: from Italian *tiorba* [2].

Период 16–17 веков характеризуется преобладанием заимствований из латинского языка. Заимствования этого периода обязаны своим появлением расцвету науки и литературы в период Возрождения. В основном, эти слова являлись частью письменного языка и использовались в сфере интеллектуального труда. Однако в 17 веке английский находился в контакте с другими значимыми европейскими языками, и это отразилось на разнообразии заимствований из французского, испанского и итальянского.

17 лексических единиц со значением ‘musical instrument’ являются наименованиями музыкальных инструментов, заимствованных в английский язык 18 веке, например: *viola* ‘a musical instrument with strings, that you hold under your chin and play with a bow. A viola is larger than a violin and plays lower notes’; Origin – **early 18th cent.**: from Italian and Spanish [3]; *rebab* ‘a bowed or plucked stringed musical instrument of Arab origin, used espe-

cially in North Africa, the Middle East, and South Asia'; Origin – **Mid 18th century**: from **Arabic** *rabāb* [2]. Это объясняется, с одной стороны, последствиями промышленной революции (рост промышленности и торговли, расширение колониальных владений Великобритании, улучшение возможностей для путешествий и взаимоотношений с другими странами и континентами). С другой стороны, появление новых (заимствованных) слов–наименований музыкальных инструментов, связано с развитием культуры и искусства в эпоху Просвещения.

Наибольшее количество заимствований, представляющих собой наименования музыкальных инструментов, приходится на 19 век (26 ЛЕ), например: *flugelhorn* 'a brass musical instrument like a small trumpet'; Origin – **mid 19th cent.**: from German *Flügelhorn*, from *Flügel* 'wing' + *Horn* 'horn' [3]; *ukulele* 'a musical instrument as a small four-strings guitar of Hawaiian origin'; Origin – **Late 19th century**: from Hawaiian, literally 'jumping flea' [2].

Этот факт мы связываем с тем, что 19 век можно назвать одним из самых значимых в новоанглийском периоде. В этот период в английском языке появились заимствованные военные, социальные, дипломатические термины, наименования предметов обстановки, одежды и аксессуаров, продуктов питания, а также единицы из сферы литературы и искусства, в том числе, наименования музыкальных инструментов.

И, наконец, 5 лексических единиц обозначены в словаре, как единицы, попавшие в английский язык в 20 веке, например: *charango* '(a musical instrument) a small Andean guitar, traditionally made from an armadillo shell'; Origin – **1920s**: from South American Spanish [2]; *bouzouki* 'a Greek musical instrument with strings that are played with the fingers'; Origin – **1950s**: from modern Greek *mpouzouki*, possibly related to Turkish *bozuk* 'spoilt' (with reference to roughly made instruments) [2].

Тенденция заимствования иностранных слов не прекращается и по сей день. Они приходят из разных языков мира, часто из сферы современных технологий (компьютер, Интернет, биотехнология, спорт, развлекательная сфера, бизнес и изменения в обществе). Что касается заимствованных наименований музыкальных инструментов, то такое их незначительное количество объясняется, вероятно, тем, что на современном этапе многие новые музыкальные инструменты появляются в англоговорящих странах, а их наименования складываются из языковых элементов английского языка.

Библиографический список

1. Шепелева, Е.В. Роль заимствований в современном английском языке / Е.В. Шепелева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – Вып. 7 / 2007. – С. 179–181.
2. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 07.02.2016).

3. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 07.02.2016).
4. The Merriam – Webster Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 07.02.2016).

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ФАКТОР ПОЯВЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РЕЧИ

В. А. Карлова

*Аспирант,
Национальный педагогический
университет им. М. П. Драгоманова,
г. Киев, Украина*

Summary. This article deals with the socio-linguistics processes, which became the main implications of the new borrowings appearing – as the result of language contacts which, having adapted to the language-recipient, became the main part of the vocabulary. It is identified that there are two main approaches (structural and sociological) for understanding the process of language contacts. It is defined that there are the main methods of the borrowings adaptation as the result of language assimilation of the new words into vocabulary.

Keywords: method; adaptation; assimilation; borrowing; approach; contact.

Современная глобализация, а также тесный и постоянный контакт языков, во время изучения общих закономерностей и конкретных проявлений их взаимодействия способствует успешной организации процесса общения (Т. Е. Храбан). В условиях транскультурного коммуникативного пространства происходит интенсификация диалога языков и культур (Т. Е. Храбан), результатом которого являются лексические заимствования, потому что, как справедливо отмечает Т. Е. Храбан “[...] процессы заимствований отображают, с одной стороны, изменения в жизни каждого общества, а с другой, – фиксируют тенденции развития лексической системы языка [...]” [5, с. 139]. А потому неслучайный, по ее мнению, проблематика взаимовлияния языков остается многоплановой и одной из самых популярных и важнейших тем современных лингвистических исследований [5, с. 139].

Одним из вариантов языкового контактирования есть *интерференция* (И. Бодуен де Куртене, В. Вайнрайх, А. Мартине, Е. Хауген и др.), условием возникновения которой является языковое взаимовлияние [1; 3; 4]. Понятие “языковая интерференция” было введено участниками Пражского лингвистического кружка (И. Вахек, Б. Гавранек, В. Матезиус, Я. Мукаржовский, Б. Трнка, В. Скаличка и др.), которые обращались к вопросам языковых союзов, контактов и взаимовлияния языков. У. Вайнрайх, который впоследствии углубил исследование этой проблемы, под понятием интерференция понимал “[...] отклонение от нормы любого из языков, кото-

рые наблюдаются в общении [...], которое предопределяет изменения моделей в результате введения иноязычных элементов в те сферы языка, которые отличаются высшей структурной организацией, например, в ядро системы фонем, в морфологию и синтаксис, в некоторые сферы словаря [...]” [1, с. 22].

Одним из первых исследователей XX ст., кого заинтересовал вопрос языковых контактов, как отмечалось, был У. Вайнрайх, написав монографию под названием “Языковые контакты”, где было указано два основных методологических подхода к изучению этого социолингвистического явления: 1) *социологический*, который, по его мнению, связан с тем, что перенесение лексики из одного языка в другой предопределено культурным окружением, и 2) *структурный*, на основе которого происходит восприятие языком новых элементов, которые передаются через другие языки, а также изменения, как результат, которые происходят в языке [1, с. 184–186].

По мнению У. Вайнрайха, со временем А. Мартине объединил социологический и структурный подходы [3; 1, с. 184, с. 186], потому что, за его наблюдениями, когда язык распространяется даже на незаселенную предварительно территорию, существует вероятность, что новое окружение и новый образ жизни определит развитие речи людей данной местности, а непосредственно и языки в целом. Как правило, распространение языка происходит с помощью ситуации двуязычности, которая независимо от того, продолжит ли язык в дальнейшем свое существование после языкового противостояния или исчезновения одной из двух, всегда сильно влияет на этот язык [3].

Следовательно, процессы взаимодействия языков и их влияние способствуют возникновению языковой интерференции, которые являются основными факторами появления новой лексики, заимствований, задача которой адаптироваться к языку-реципиенту и активно функционировать в речи.

Библиографический список

1. Вайнрайх У. Языковые контакты / Перевод с англ. и коммент. Ю.А. Жлуктенко. К.: Вища школа, 1979. 263 с.
2. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. К вопросу о методах лингвистических исследований. Вестник № 1. 2010. С. 23–31.
3. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика. Новое в лингвистике. № 6. С. 81–93.
4. Хауген Э. Языковой контакт. Новое в лингвистике. 1972. № 6. С. 61–80.
5. Храбан Т.Е. Лексическое заимствование как результат межкультурной и межъязыковой коммуникации. Репозиторий ВГУ, Ученые записки. 2016. № 21. С. 138–143.
6. Якобсон Р. Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц; ред. Д. Сичинава; перев. с чеш. Е. Бобраковой-Тимошкиной. М.: Языки славянских культур, 2011. 280 с.

III. THE IMPORTANCE OF BILINGUALISM AND MIXED LANGUAGES IN THE MODERN METROPOLIS

ПОЛИЛИНГВИЗМ БЫТОВОГО ОБЩЕНИЯ КАК СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ Г. УФЫ

И. К. Мухина
А. И. Попова

*Кандидат филологических наук, доцент,
магистрант,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия*

Summary. This article is devoted to consideration of polylingualism of household communication in the Republic of Bashkortostan as uses of several languages limited to limits of a certain territorial or social community. It is revealed that the use of concrete languages is caused by specific goals of speech communication and also various linguocultural and socio-linguistic factors.

Keywords: language situation; polylingualism; household communication.

По численности населения Республика Башкортостан занимает первое место в Приволжском федеральном округе и седьмое место в Российской Федерации.

На долю Башкортостана приходится 2,85 % населения страны и 13,62 % населения Приволжского федерального округа; по данным переписи населения 2010 г., на территории Республики Башкортостан проживает около 4,072 млн человек.

Башкортостан – полилингвальная республика, всего в ней насчитывается более 100 языков. Языковая ситуация в Республике Башкортостан неоднократно становилась предметом исследования [2, 4, 6, 7]. Многоязычие (полилингвизм, мультилингвизм) – использование нескольких языков, ограниченных пределами определенной территориальной или социальной общности. Употребление языков (идиомов) обусловлено конкретными целями речевого общения, а также различными лингвокультурными и социолингвистическими факторами.

Основанием для образования в Российской Федерации би- и полилингвальных регионов является Статья 68 Конституции Российской Федерации: 1. Государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык. 2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с

государственным языком РФ. 3. РФ гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

В качестве правового основания для проведения языковой политики в Башкортостане выступает Закон «О языках народов Республики Башкортостан» (от 15 февраля 1999 г.), Статья 3, которая гласит: «Государственными языками РБ на всей территории являются башкирский и русский языки: башкирский язык как язык башкирской нации, реализовавший свое право на самоопределение, русский язык как государственный язык РФ», а также Указ Главы Республики Башкортостан «О мерах по развитию государственных языков РБ и языков народов РБ» (от 14 сентября 2017 г).

Рассмотрим конкретные проявления билингвизма на примере названия ягод, используемых в речи носителей различных языков, и их вариантов. Респондентами являлись девушки 20–22 лет, обучающиеся в Башкирском государственном университете и проживающие в одной комнате университетского общежития в г. Уфе в течение нескольких лет. Каждый из респондентов изучал в школе с 1-го по 11-й класс башкирский язык как родной или как государственный (литературный).

Таблица 1

Названия ягод в речи билингвов

№ п/п	Регион проживания	Родной язык	Лексема земляника	Лексема клубника
	Республика Башкортостан		кайын еләге* (башк.)	ер еләге* (башк.)
1	Кугарчинский район, д. Худайбердино	башкирский	ер еләге, урман еләге (башк.)	бакса еләге (башк.)
2	Иглинский район, д. Минзитарово	башкирский	ер еләге (башк.)	клубника бакса еләге (башк.)
3	Татышлинский район, д. Бизь	татарский	каен жиләге (тат.), кайын еләге* (башк.)	жир жиләге (тат.)
4	Ишимбайский район, микрорайон Нефтяник	татарский	канлы еләк (тат.)	клубника
5	г. Стерлитамак	русский	кайын еләге* (башк.)	ер еләге* (башк.)

Примечание. Знаком * в таблице помечен вариант литературной нормы башкирского языка.

Респонденты представлены в таблице в последовательности, отражающей степень владения русским языком: от 1 (знание ниже среднего,

ярко выраженный акцент) до 5 хорошее знание литературных норм русского языка, владение русским языком как родным, отсутствие акцента).

Информация о респондентах:

Респондент 1 прошел социализацию в башкирской семье, разговаривает на башкирском языке; на русском языке чаще всего общение происходит лишь в том случае, если собеседник не знает башкирского или татарского языков.

Респондент 2 прошел социализацию в башкирско-татарской семье, в которой общаются на обоих языках, значительно реже – на русском.

Респондент 3 прошел социализацию в татарской семье, в которой общаются на татарском языке, значительно реже – на русском.

Респондент 4 прошел социализацию в татарской семье, в которой общались на татарском языке до 7–8-летнего возраста носителя. Далее общение проходило только на русском.

Респондент 5 прошел социализацию в русской семье, в которой общались только на русском языке, ни башкирским, ни татарским языком в семье никто не владеет; обучение литературному башкирскому языку происходило в школе.

В бытовом общении респонденты часто использовали башкирский и татарский язык одновременно или на один из них, при этом понимая друг друга. В то же время при разговоре на башкирском языке нередко возникали споры о значении слов. В качестве примера расхождений в номинации и семантике слов можно привести наименования ягод, представленные в таблице 1. Для понимания внутренней формы наименования ягод на башкирском и татарском языках приведем таблицу 2.

Таблица 2

Перевод башкирских и татарских лексем, представленных в наименованиях земляники и клубники

Русский язык	Башкирский язык	Татарский язык
Берёза	кайын	каен
Земля	ер	жир
Кровяной	не используется в наименовании ягод	канлы
Лес	урман	не используется в наименовании ягод
Сад	бакса	не используется в наименовании ягод
Ягода	еләк	жиләк

Анализ данных таблицы 1 показывает, что респонденты 1 и 2, для которых башкирский язык является родным, используют для наименова-

ния ягод диалектные варианты [см. 1]; респондент 2 выделяет вариант наименования ягод клубники на русском языке как предпочтительный. Речевая практика респондентов 3 и 5 опирается на знание башкирского языка, полученные в школе, так как этот язык не является для них родным.

Респондент 4 обозначает ягоды земляники диалектным вариантом, не зафиксированным в словарях: *канлы* (баш. *канлы*) *еләк* – «букв. кровавая ягода», причем прилагательное произносит по-татарски, без глубокозаднеязычного [к], существительное – по-башкирски (ср. данные таблицы 2) [3]. Кроме того, прилагательное *канлы* входит в состав названия горы, расположенной на территории микрорайона Нефтяник. Жители микрорайона называют гору *Кызылтау* (баш. Красная гора) как *Канлы тау* (тат. Кровавая гора). В диалектологическом словаре башкирского языка отмечено такое диалектное название земляники, как *тау йеләге* (баш. *горная ягода*) [5]. Вероятно, что в данной местности диалектные названия горы и ягоды взаимосвязаны.

Наименование ягод *клубники* в некоторых случаях (на территории проживания респондента 4) представлены неосвоенным на родном языке русским вариантом *клубника*.

Приведенные примеры иллюстрируют специфику ситуации бытового общения, в котором говорящие используют сразу несколько языков: русский, литературный и диалектные варианты башкирского языка, татарский язык. По данным таблицы 1, прослеживается взаимное влияние перечисленных языков и форм их существования, которое ярко обнаруживается на фонетическом и лексическом уровнях башкирского и татарского языков. Русский язык в ситуации полилингвизма в г. Уфе выполняет функцию языка межнационального общения, однако следует отметить, что и башкирский язык укрепляется в этой функции.

Библиографический список

1. Башкорт теленең диалекттары һүзлеге. – Өфө: Китап, 2002. – Б. 309.
2. Галимьянова В. Р. Языковая ситуация Краснокамского района Республики Башкортостан: социолингвистический аспект // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / отв. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – Вып. 2. – С. 15 – 20. URL: plr.psu.ru/wp-content/uploads/2013/06/Проблемы-социо-и-психолингвистики.-Выпуск-2-2003.pdf
3. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М., Л., 1948. – С. 22.
4. Искужина Н. Г. Языковая ситуация в республике Башкортостан на современном этапе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 16 (307). Филология. Искусствоведение. – Вып. 78. – С. 60–64.
5. Русско-башкирский словарь: В 2 т. Т. 1 / Под ред. З. Г. Ураксина. –Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – С. 393, 465.
6. Саяхова Л. Г., Латыпова В. В. О языковой политике в республике Башкортостан // Русский язык как государственный язык Российской Федерации и языковая политика в современном мире. По материалам Третьего и Четвертого междунар. семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия (Па-

- риж, 2005; Санкт-Петербург, 2005–2006): коллективная монография. – СПб.: Златоуст, 2007. – 260 с. – С. 37 – 48.
7. Тимирханов В. Р. О состоянии полилингвизма в Башкирии в свете социальных функций филологии // *Liberal Arts in Russia*. – 2015. – Vol. 4. – № 2. – P. 120 – 127.

IV. DEVELOPMENT OF THE ETHNO-NATIONAL LANGUAGES AGAINST THE BACKGROUND OF NATIONAL AND CULTURAL REVIVAL

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ШОТЛАНДИИ

Н. А. Аксютин

*Магистрант,
НИУ Высшая школа экономики,
г. Москва, Россия*

Summary. The paper tackles the issue of the modern language situation in Scotland. There is an attempt to define what Scots language is and what status today it has. The paper also describes the roots of how Scots and the Standard Scottish English were formed in that area and what other languages function in modern Scotland.

Keywords: Scots; Scottish English; culture; bilingualism; diglossia; minor languages.

Для начала следует обозначить, что понятие «шотландский вариант английского языка» включает целый ряд лингвистических проблем, которые обусловлены особенностями функционирования английского языка в Шотландии. Так, Дж. Стюарт-Смит определяет шотландский вариант английского языка как «совокупность разновидностей английского языка на территории Шотландии, в которую может (или не может) включаться язык «скотс» (Scots)» [4, с. 47–67]. Если рассматривать шотландский английский в системе британского английского, то он причисляется к диалектам, который имеет свои региональные акценты. Также на данный момент актуальна проблема определения языка «скотс» или «группы диалектов скотс» и отношение этого диалекта/языка к английскому языку.

Для анализа языковой ситуации в Шотландии, следует рассмотреть, как развивался диахронически английский язык на данной территории, как появился язык «скотс» (шотландский язык) и что способствовало их разобщению или, наоборот, сближению.

Шотландский язык развивался параллельно с английским языком, и оба языка произошли от древнеанглийского языка, или, англосаксонского. В то время древнеанглийский имел статус неунифицированного диалекта древнегерманского языка. Примерно в V веке н.э. первые германские племена, а именно англ и саксы, прибыли на территорию современной Англии и юго-восточной Шотландии. В течение нескольких веков данная область Шотландии принадлежала англосаксонскому королевству Нортумбрии, где в дальнейшем и начал образоваться Early Scots.

До прихода англосаксов Британские острова населяли кельтские племена, а именно гэлы (известные также как гойделы или галлы), которые переселились в V–VI веках н.э. из Ирландии в Шотландию, где вместе с пиктами участвовали в формировании шотландской народности. Считается, что гэлы населяли Северо-западное нагорье и Гебридские острова. Из-за того, что английский язык распространялся на север и запад и укреплялся на новых территориях, влияние гэльского (Gàidhlig) сильно ослабло. Современные кельтские языки включают в себя валлийский, корнский (считался вымершим к началу XVIII, сейчас переживает возрождение) и бретонский, мэнский (официальный язык острова Мэн), шотландский гэльский и ирландский гэльский языки. В то время как ранние диалекты английского распространялись по Британским островам, они постоянно находились в тесном контакте с кельтскими языками. Ученые спорят, насколько сильно повлияли кельтские языки на развитие английского языка. С уверенностью можно говорить о том, что эти языки в разной степени затронули фонетический строй английского языка, например, там, где кельтский доминировал над древнеанглийским, количественных и качественных изменений было больше.

Наглядно история развития «скотс» представлена на рисунке 1.

Данная карта показывает распространение языка «скотс» с течением времени. Красная территория на востоке – это королевство Нортумбрии, где в IX веке выделялся отдельный диалект древнеанглийского/англосаксонского. Ранний «скотс» (с начала XV века), представленный оранжевым цветом, начинает распространяться на север и запад. Желтым цветом показана территория современного «скотс» (с середины XX века), который перешел через восточную Шотландию на север и затем в Ирландию.

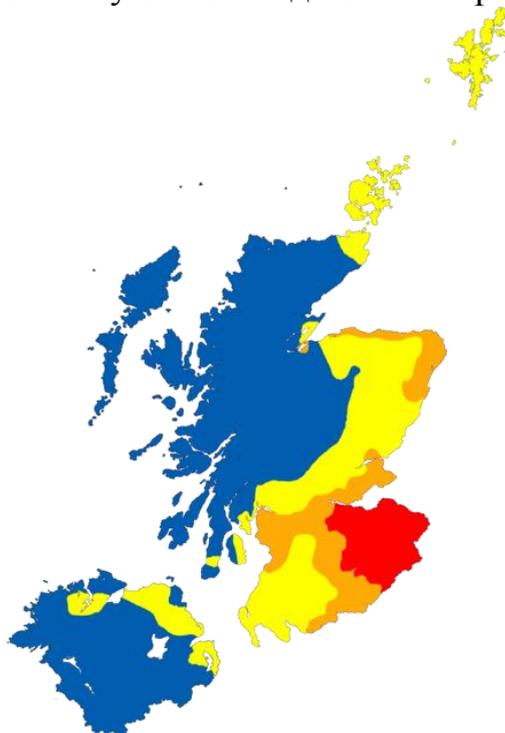

Рисунок 1. История развития Scots

Итак, изначально «скотс» берёт начало из северного диалекта англов, населявших территорию древней Нортумбрии в VII веке. Нортумбрийские тексты на древнеанглийском того времени имели свои языковые особенности. Несмотря на тесный контакт с племенами скоттов, уже в XI веке «скотс» преобладал на территории Шотландского королевства. На севере Англии этот диалект постепенно замещался южным вариантом английского языка, который использовался в Оксфорде и Лондоне. Более того, так как «скотс» распространялся дальше на север и охватывал всё больше и больше территорий, он всё сильнее отличался от языка на юге. Это связано с тем, что в «скотс» появлялись свои собственные инновации, которые не затрагивали английский язык того времени. В этом смысле «скотс» можно выделить как отдельный язык, или близкородственный язык. Тем более, что «скотс» имеет свои собственные диалекты. Наиболее заметный среди таких диалектов можно найти на Оркнейских и Шетландских островах, где говорили на языке норн. Язык относится к северогерманской группе, тесно связан с фарерским языком и произошел от древнескандинавского языка. Некоторые слова существуют в «скотс» и сегодня, хотя сам язык вышел из употребления к середине XIX века. Также существует ольстерско-шотландский, на котором говорят в Северной Ирландии.

Таким образом, следует признать древнеанглийский неким диалектным континуумом. Нортумбрийский вариант древнеанглийского, который на тот момент уже имел ряд отличных черт, является предшественником языка «скотс». По крайней мере, на диалектном уровне «скотс» и английский язык не были одним языком, так как более тысячи лет «скотс» развивался самостоятельно, распространяясь на север от Нортумбрии. То есть мы можем говорить о незначительной «английской семье» языков (или британско-германской семье, или англо-саксонской семье), которая включает английский и «скотс».

Тем не менее, языковая ситуация начала меняться в результате вхождения на престол династии Стюартов с 1603 года, когда королем двух королевств становится Иаков I, и, как следствие, «скотс» и английский язык начали сближаться.

В 1611 году в ходе Реформации в Шотландии утверждается английский перевод Библии Короля Иакова (Authorized King James Version). В 1707 году происходит объединение Англии и Шотландии в единое королевство «Великобритания», парламент Шотландии расформировывается и создается единый парламент в Лондоне. В результате объединения королевского двора и политических институтов, а также утверждения в Шотландии английского канонического текста происходит утрата социального статуса «скотса».

В XVIII веке деятели Шотландского Просвещения, а именно А. Смит и Д. Хьюм, стремились утвердить единый языковой стандарт для Великобритании и очистить язык от «скотицизмов» [3, с. 11–15].

После 1707 года, благодаря усилиям интеллектуальной элиты, литературной нормой в Шотландии становится (стандартный) шотландский английский язык. Он также вытесняет «скотс» из общего употребления, тем не менее, «скотс» остается местным языком региона.

На сегодняшний день на территории Шотландии функционируют три языка:

1. Шотландский вариант английского языка (Standard Scottish English): это стандартный английский, на котором говорит большая часть населения, но с явным шотландским акцентом, при этом часть лексики заимствована из «скотс». Сегодня стандартный шотландский английский язык занимает центральное место в экономической, политической и культурной сферах жизни страны. Он также является официальным языком высших государственных институтов, образования, органов местного управления и СМИ. Более того, это официальный язык Церкви Шотландии, к которой принадлежит 41 % населения. SSE применяется в общении средним образованным слоем населения и также является номой деловой коммуникации.

2. «Скотс»: 85 % населения владеют этим шотландским языком/диалектом. В отличие от стандартного шотландского английского, «скотс» встречается чаще среди рабочего и сельского населения. Он также используется в неформальном общении внутри семьи или в кругу друзей.

3. Шотландский гэльский (Scottish Gaelic): в настоящее время только небольшая часть населения, проживающая на северо-западной части Шотландии и на Гебридских островах, говорит на этом языке. Гэльский находится под угрозой исчезновения, поэтому в некоторых школах Шотландии изучается как второй язык. Официальный статус данный язык получил только в конце 50-х гг. XX века и сейчас поддерживается государством и церковью. Более того, компания BBC владеет радиостанцией Radio nan Gàidheal и каналом BBC Alba, вещание в которых ведется на гэльском. Почти все гэлы знают английский язык, тем не менее, в быту говорят на гэльском языке. Также гэльский субстрат повлиял на формирование английского языка высокогорья (Highland English).

Как следствие, можно сделать вывод, что на территории Шотландии сложилась «внутриязыковая» диглоссия одновременно с билингвизмом. Билингвизм характерен, в данном случае, для тех людей, для которых родным языком является гэльский, а английский воспринимается как второй язык. Явление диглоссии следует рассмотреть отдельно в контексте шотландской языковой ситуации.

В. А. Виноградов определяет диглоссию как «одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах» [1, с. 688]. Применительно к языковой ситуации в Шотландии, можно сказать, что шотландское население смешивает коды (code switch) в зависимости от контекста, переключаясь

между стандартным шотландским английским и «скотс». Важно отметить, что это происходит сознательно, и жители могут заметить разницу, когда они говорят на английском шотландском или на «скотс». А. Эйткин дает объяснение данной ситуации: «Scottish English is as a bipolar linguistic continuum, with broad Scots at one end and Scottish Standard English at the other» [2]. Данную модель дополняет Дж. Стюарт-Смит: «...speakers of Scottish English either switch discretely between points on the continuum (style/dialect switching), which is more common in rural varieties, or drift up and down the continuum (style/dialect drifting), which is more characteristic of the urban dialects of cities such as Edinburgh and Glasgow» [4, с. 47–67]. Более того, следует подчеркнуть, что границы между шотландским английским и «скотс» сильно размыты и часто пересекаются.

Число носителей современного «скотс» довольно сложно подсчитать в силу слабой лингвистической самоидентификации населения. Перепись населения в 2011 году показала, что свободно говорить на «скотс» могут приблизительно полтора миллиона человек (примерно 30 % населения). В большей степени диалект сохранился в сельской местности, тем не менее, часть городского населения также способна на нем говорить.

Тем не менее, сегодня в школах Шотландии изучение языка «скотс» официально включено в учебный план. Ранее обучение на «скотс» почти не велось, хотя это могло быть частью уроков по английскому языку, во время которых учащиеся читали литературу на «скотс». Большая часть материала, естественно, была представлена на стандартном английском, который преподавали как «скотс», что вызывало возмущение как у сторонников стандартного английского, так и сторонников языка «скотс».

Итак, особенностью современной языковой ситуации в Шотландии является тот факт, что, с одной стороны, на территории государства функционируют три языка, два из которых имеют один и тот же праязык, с другой стороны, на данной территории существуют традиционные диалекты, которые смешиваются в современных условиях урбанизации и открытой границы с Англией. Из-за длительного политического, экономического и культурного господства Англии произошло снижение социального статуса коренного языка «скотс». Тем не менее, повышение самоидентификации и национального сознания привели к росту интереса изучения и исследования данного языка, а также росту престижности «скотс». На данный момент, статус «скотс» до сих пор не определен: исторически его можно назвать языком, но сейчас он считается диалектом или идиомом.

Библиографический список

1. Виноградов, В. А. Диглоссия [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Aitken A. J. The Scottish Vowel-Length Rule [So meny People Longages and Tonges] / A. J. Aitken, B. Benskin, M. S. Samuels. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1981.

3. Corbett J. A Brief History of Scots / J. Corbett, D. McClure. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004
4. Stuart-Smith J. Scottish English Phonology / J. Stuart-Smith. – Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter, 2008.

V. THE LINGUISTIC ANALYSIS OF CONTEMPORARY MEDIA SPHERE

NICKNAMES OF ENGLISH-SPEAKING USERS ON FACEBOOK

D. E. Barmina

*Student,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov,
Severodvinsk, Russia*

Summary. The article is accomplished in an actual field of modern study of language – Internet linguistics. Focus of this work consists of English-speaking users’ nicknames on Facebook – anthroponyms, which are assigned to the users on their own. Here we make an attempt to investigate the nominative potential of virtual names and to reveal their degree of anonymity and reality at the same time by using a complex methodology for selection and analysis of the archive box.

Keywords: Internet; social network service; personal name; anthroponym; nickname; self-nomination.

Nowadays Internet is an essential and indispensable part of our lives. It has become an alternative to other communicative means. World Wide Web is introduced not just like mass media, but it is also a great item for communication all over the world. Of course, we should assert that social networks started developing this necessary function of the Web for the whole humanity.

We have analyzed some foreign and domestic points of view on the matter of defining the concept “social network”. It was possible to derive a generalized, tentative (working) definition for the proposed study: *a social network* is an Internet service representing itself a virtual space for communication between individuals within the network, allowing users to create profiles (both closed and open), and it is also characterized by interactivity, hypertextuality and by bringing into the speech various innovations. This definition does not pretend to be an exhaustive and integral one because of the complexity of the described virtual space.

Social networks serve as expanders of easily accessible and widespread communication for its intended purpose. There is a great amount of social networks on the Internet, so they should be divided into several groups. Russian linguist A.V. Danilov distinguishes the following subspecies of modern social networks:

1) *social bookmarks*, where users furnish information about a list of their bookmarks or popular web pages with others (e.g., Delicious or the social network of BookMix.com book lovers);

2) *social catalogs* allow users to work with quotation data basis from scientific articles (e.g., Academic Search Premier, LexisNexis Academic University, CiteULike);

3) *social libraries* give an opportunity to its visitors to leave links to their collections, books, audio recordings available for others (e.g., Discogs.com);

4) *social networks of webmasters* are used for advertising useful materials;

5) *multiuser network games* (e.g., World of Warcraft);

6) *geosocial networks* give the possibility to establish social connections based on the user's location (e.g., Cybiko);

7) *professional social networks* are designed for communication on professional topics, for the development of business relations (e.g., LinkedIn, Angel.co);

8) *service social networks* provide a means of uniting around common interests, hobbies or for various reasons (e.g., Facebook, Twitter);

9) *commercial networks* are focused on supporting business transactions and on generating people's confidence in brands based on their opinions about the product [3].

Everybody could find the technical and social basis for creating an "alter ego" (virtual version of oneself). People have an opportunity to think up a network name, which would reflect the internality of a person, his or her objects of value, moral qualities, mental outlooks and views of life. Nickname is a symbolic name which user assumes to communicate with virtual personalities throughout the Internet [1, p. 33].

Nickname has all the features of an anthroponym given to a person at birth by his or her parents, but differs from it because of the randomness and free choice. We can observe some structural-semantic and functional similarities of the nickname with a pseudonym, a moniker and an alias. However, there is a doubtless special status of these linguistic units, which manifest themselves in the specificity of their forming models and in the exclusivity of the context of use [2, p. 22].

Currently there is a great amount of users with different interests and communicative goals in an online environment. Therefore, many nicknames exist on the web platform now and in the wake of it, there are various ways of their projection. Linguists are trying to develop proper arrangements for them, divide them into definite groups, i.e. classify them by some attributes.

Among the wide range of existent typologies, we have chosen the classification of nicknames that was set forward by a modern onomatologist V. V. Kazyaba in the frame of our investigation. This scientist divides nicknames into three patterns according to the linguistic units at the very core of the virtual names:

1. *Nicknames-autonyms* – network names formed from the real anthroponym of the user;

2. *Nicknames-pseudonyms* – common (nominal) units or “foreign” onyms, endowed with the functions of a network name;

3. *Nicknames of transition type* – a composition of the real anthroponym and the common name or the “foreign” one [4].

In terms of “Facebook” – the biggest service social network in the world visited by ~720 million people every day – we would analyze the selected block of nicknames of English-speaking users, dividing them into three groups according to the proposed classification.

The archive box of 200 English-speaking users’ nicknames was formed with the aid of the technique of random sampling (it should be mentioned: preliminary the registration process on Facebook was accomplished; the users were picked out by filling the location pad field and marking “USA” or “UK” in the advanced search options, it means that all the chosen users would be from Great Britain or USA).

The efficient model of English-speaking users’ self-nomination is the model based on the nickname-autonym. 43 % (86 users) take their own original anthroponym as the identifier on Facebook. ~66% (57 units) among the nicknames-autonyms are items with the full official personal name of the user and his or her surname, for example: *aledreesjones* (Aled Jones), *gabrielle.trevino* (Gaby Trevino), *sioned.brown* (Sioned Brown). Nevertheless, unlike official communication, some spelling digressions and violations of the set of common language means and rules are permissible and widespread on Facebook. Often there are such variations of spelling the nickname like writing the whole name with lowercase letters or, conversely, all the letters of the name are capital ones, using of numerals is also accepted, for instance: *ASHL3YMA3* (Ashley Mae), *brittany.taylor.96930013* (Brittany Taylor). Moreover, it is important to note that a lot of females use their own name with a maiden surname as a nickname, e.g.: *CaitlynStoddard* (Caitlyn Townsend-Stoddard), *allison.martin.31* (Allison Sowers-Martin). 25 % of users reduce or change their real name or surname slightly: *Bec.tith* (Becky Titheridge), *jttay* (Jonathan Taylor), *sayaa.williams* (Sara Williams), *LuisGlez15* (Luis Gonzalez). ~9 % use only the name as a nickname, sometimes abbreviated one: *Reb1492* (Robert Brown), *hetter* (Heather James).

24 % (48 units) of the selected block of users are nicknames-pseudonyms. 28 % of users in this section take foreign or precedent names to produce their own nicknames, e.g.: *fodderroberto* (Bryan Perryman Sr.), *pelusazambrano* (Maria Curtis), *TheXVermiciousXKnidz* (Sammy Ramos; it is notable that Vermicious Knid is a fictional character from the book “Charlie and the Chocolate Factory” by Roald Dahl, and there was also a Canadian music band with the same name). About 50 % of users take word collocations (consisted of nouns, adjectives, verbs) as their nicknames, for example: *silverstar611* (Jessica Harvey), *StumbleRunChamp* (Cristina Maria Miranda), *thefemalerevolutionary*

(Annie Boss). There is another group of users who prefers to operate with abbreviations: *kyatb* (Katherine Lynnette), *SVMRI* (Summer Bartlett).

The group of transitional nicknames consists of 33 % of users. There is a real personal name of the person (often in an abbreviated form) in all nicknames of this section; a noun, an adjective or a word collocation usually accompanies it. For instance: *KingChri* (Chris Bilodeau), *RachaelOwenYounique* (Rachael Owen), *shadyjoefword* (Joe Fword), *vonhatesyou* (Yvonne Rumsey), *dontforgettaboutdre* (Andrea Smith).

To sum up, every person has his or her own conception, interpretation and reason to create a nickname on Facebook social network. In spite of the anonymity of the Internet space the majority of people is trying to minimize the virtual mask and has a tendency to the most realistic self-presentation. Nicknames of transition type are also widespread, they are created to demonstrate originality and in order to attract the attention of others, but not without including the element of the real name in self-nomination. Finally, nicknames-pseudonyms are least recently used ones, they are not so popular among the English-speaking users on Facebook. However, they allow us to determine the interests of the person and some features of his or her character.

Bibliography

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. канд. филол. наук. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2005. – 265 с.
2. Балкунова А.С., Рянская Э.М. Место никнеймов в ономастике // Вестник Нижневартского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 17-22.
3. Данилов А. В. Социальные сети как интернет-игра: правила, формы организации, динамика // Вестник Мордовского университета. – 2011. – №1. – С. 195-197.
4. Казяба В.В., Антропонимикон немецкоязычной ICQ – коммуникации: автореф. дис. на соискан. учен. степ. канд. филол. наук; Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2013. – 27 с.

VI. INTERCULTURAL COMMUNICATION AND LINGUISTIC IDENTITY

VIRTUAL LANGUAGE PERSONALITY WITHIN INTERNET DISCOURSE

Ye. A. Artomova

*Candidate of Philological Sciences,
National Pedagogical
Dragomanov University,
Kyiv, Ukraine*

Summary. The last few decades have witnessed an increase of importance in studying the Internet for the reason that this space is a great, infinite, and disputable object for a lot of researchers. This paper deals with some characteristics of Internet Discourse and a communicative phenomenon – Virtual Language Personality. The author emphasizes that the latter has to be considered in the light of language – consciousness – culture – communication, because from this perspective it is easier to understand the nature of virtual language personality, as well as to describe, reveal, define, and characterize it.

Keywords: discourse; language personality; virtual language personality; Internet discourse; interactant.

It is hard to imagine today's life without the Internet which penetrates all spheres of our lives. The web space has become a unique object for studying of modern researchers in various scientific fields. The online network is considered to be relatively new, but, more likely, it is a rapidly changeable communicative and informational environment, and it attracts a lot of researches from all over the world, because it creates different phenomena, in particular linguistic ones. Among such phenomena that are functioning within the Internet, it is worth pointing out the two ones – 1) Virtual Language Personality (VLP), the potential of which, in our opinion, is infinite, and 2) Internet Discourse (ID), which consists of a combination of Spoken and Written Discourses. For the latter one (ID) there is an extended synonymic row in modern linguistics – web discourse, computer discourse, e-discourse, net discourse, virtual discourse, etc.

It goes without saying that the above-mentioned notions are not unfamiliar for modern linguistics. To start with, it should be mentioned that a great deal is being written and said about Discourse in general by N. Arutyunova, A. Baranov, F. Batsevich, V. Grigoryeva, V. Karasik, M. Kozhina, V. Chernyavskaya, D. Schiffrin, P. Seriot, M. Stubbs, Ye. Yerofeyeva, and many others.

At the same time, the concept of Language Personality (LP) is the object of studying of a variety of specialists; one can find a plenty of works in philosophy, ethics, psychology, economics, history, pedagogy, sociology, etc. The de-

scription and characteristics of LP have been represented and revealed by such researchers as N. Arutyunova, A. Bushev, D. Gudkov, G. Infantova, S. Katsnelson, A. Leontiev, A. Potebnya, A. Puzyryov, A. Vorozhbitova, etc. However, there is a view that “a scientific concept ‘Language Personality’, which appeared a few decades ago, and is popular up to the present moment, has lost its heuristic influence in the light of the accumulated research in the field of the discourse analysis” [1]. In our point of view, this statement has to be considered more detailed and analyzed in a separate paper.

It is a well-known fact that up to now nobody has defined the notion of LP more informative and meaningful as it was done by V. Vinogradov, and, later, more specific, by G. Bogin and Yu. Karaulov. The evident thing that needs to be mentioned is that in recent times, different kinds of LP have been revealed and described, they are: communicative personality, discursive personality, language and cultural personality, speech personality, cognitive personality, virtual language personality.

The communicative phenomenon – Virtual Language Personality – has already become the object of study of Ye. Belinskaya, Ye. Gorny, Ye. Isayeva, L. Kompantseva, O. Lutovinova, L. Sinelnikova, A. Zhychkina, Ye. Yezhova, but still needs a detailed and comprehensive analysis.

Our attention has settled on VLP, and this concept, in our opinion, has to be considered in terms of the following quartet: language – consciousness – culture – communication. In this way, we will be able to understand the nature of VLP, describe, define, and characterize it. It should be noted that VLP is a personality that reflects in any language a set of cognitive, sociological, psychological, emotional, cultural, pragmatic, and other features and characteristics.

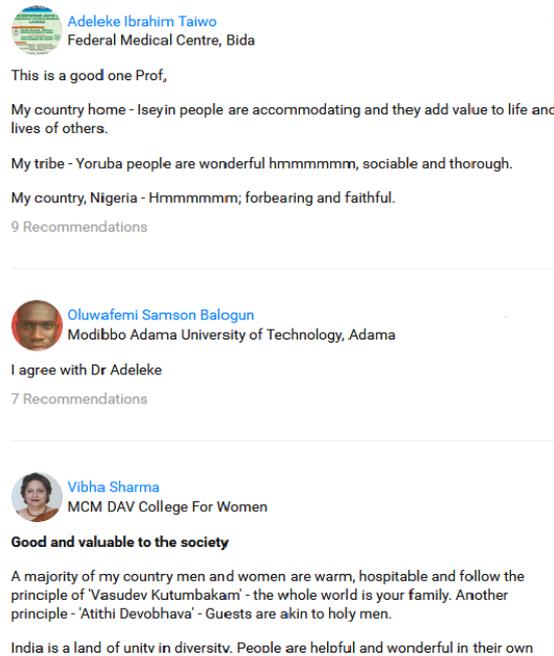
We absolutely agree with O. Lutovinova who notes that, “Exploring new communicative space that has emerged on the Internet, in recent years, a lot of linguists are turning to the study of various characteristics of discourse participants who are language personalities” [2]. The researcher continues that, “Any communication on the Internet is considered to be virtual, and, therefore, any Internet user will be a virtual personality” [2].

It is important to emphasize that Web Discourse and VLP is a frequent subject for discussion. In this paper we are analyzing VLP in the framework of ID. The last few decades have witnessed an increase of importance in studying the Internet for the reason that this space is a great, infinite, and disputable object for the researchers, that’s why we consider our present paper to be relevant. Despite the fact that today too much attention is given to various Internet phenomena, a lot of aspects have to be revealed.

Following the main topic of the paper, we would like to cite A. Osipova who writes that, “The virtual ‘personality’ is one of the fundamental network concepts. Thus, after considering one of the aspects of creating a virtual ‘personality’ on the Internet, we can say the following. The new image is formed by

the internet users with the purpose of expanding the circle of communication, which is based on the motive of self-expression and self-affirmation” [3].

Within this paper as an example of how VLP can demonstrate and reveal itself, we have chosen a platform ResearchGate – a social networking site for scientists and researchers to share papers, ask and answer questions, and find collaborators. The interactants were suggested answering the question ‘What are the values and customs of the people of your country you appreciate because they are beneficial for society? What would you change?’ The respondents gave such answers (Picture 1):

Picture 1.

As it can be seen from the picture, the first component of VLP is self-representation – a nickname. In this case, an autonym (a person’s own name). The second one – a frequent (but not necessary) attribute – graphical representation (so called ‘avatar’). It is the same thing as a profile picture, but instead of a real photography of a person, users choose different images that best represent them. The third component is the text itself – in this particular case, an answer to a question, or comments (feedback). Here we can observe the usage of the Interjection (lexical substitutes): *hmmmmmm* (it can express thinking, hesitation, etc.); different kinds of reduction: *Dr*, *Prof*, and abbreviation: *MCM DAV* (Mehr Chand Mahajan DAV College for Women, Chandigarh); using a foreign language: *Vasudhaiva Kutumbakam* (Sanskrit phrase found in Hindu texts such as the Maha Upanishad, which means ‘the world is one family’), *Atithi Devo Bhava* (the manu guest is equivalent to ‘God’ is taken from an ancient Hindu scripture which became part of the ‘code of conduct’ for Hindu society. Atithi Devo Bhava prescribes a dynamic of the host-guest relationship).

Within this paper, we have described only some characteristics of VLP. Taking into consideration the above-mentioned, it is clear that VLP presents in all genres of ID. In this case, we have used as an example an originally net genre (it includes discussion groups, chats, forums, blogs, questionnaires, etc.). VLP represents itself by different means – a nickname, an avatar, a text, and other components. Sometimes VLP is not ‘long-living’, i.e. it doesn’t ‘live’ long with- in the Internet, and it can be fictional and purposely ‘invented’. We do believe that our paper enhances understanding of VLP and the significance of its future study.

Bibliography

1. Баранов А. Г. Семиотическая личность: кодовые переходы // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тез. докл. XV Междунар. Симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Калуга, 2006. – С 30 – 31.
2. Лутовинова О. В. Виртуальная языковая личность: к определению понятия // Мир науки, культуры, образования. № 1 (50), 2015. – С. 288 – 292.
3. Осипова А. Г. Виртуальная «личность» и реальное «я»: проблема идентичности // Вопросы культурологии, 2007. – С. 16 – 17.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Э. В. Семенова

*Кандидат педагогических наук,
Саратовская государственная
юридическая академия,
г. Саратов, Россия*

Summary. The aim of the article is to reveal the issue of culture and communication. Particular attention is paid to linguocultural aspect of intercultural communication. It also focuses on communicative behavior as an important factor of effective intercultural communication.

Keywords: language; culture; communication; intercultural communication; linguocultural aspect; linguistic personality; communicative behavior.

Процесс любой коммуникации, в том числе в межкультурном контексте, заключается не только в понимании особенностей языковой картины мира, но и во владении его участниками как носителями исторически-ми, социо- и национальнокультурными знаниями. При этом картина мира отражается в языковых формах и определенных способах восприятия и концептуализации действительности, а носитель владеет знаниями определенных речевых предпочтений, норм поведения, а также восприятия реальных представителей разных культур.

Лингвокультурный аспект является неотъемлемой гранью межкультурной коммуникации как взаимодействие языка и культуры. Язык – часть

культуры и тесная связь между ними очевидна. С. Г. Тер-Минасова отмечает, что в языке отражается не только «реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира... Он хранит культурные ценности... В то же время компонент культуры – не просто некая культурная информация, сообщаемая языком. Это неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям» [5, с. 15–16].

В процессе межкультурной коммуникации представители разных культур обнаруживают и разное восприятие реалий, так как «каждое общество, обслуживаемое конкретным языком, имеет и национально-своеобразную культуру» [3, с. 7]. Л. Г. Зубкова полагает, что «самобытность языков, темпы их развития и обретения собственного характера, отвечающего характеру народа, зависят от их происхождения» [2, с. 52].

В свою очередь национально-культурные и национально-языковые реалии являются неотделимыми атрибутами картины мира, где особое место в ее формировании занимает язык. В тоже время на формирование картины мира влияют многие социальные и общественные факторы такие как язык, воспитание, традиции и обычаи, нормы поведения, морали и др.

С. П. Хижняк отмечает, что «язык как одно из общественных явлений занимает особое место в формировании картины мира, так как с помощью языковых средств происходит категоризация явлений действительности и ее вербальная репрезентация» [6, с. 35]. Говоря о языке как о средстве коммуникации, А. М. Шахнарович указывает, что «это обстоятельство определяет языковую стратегию (формирование языковой картины мира) и языковую тактику, связанную с формированием связей, «мостов» между планом содержания и планом выражения» [8, с. 55].

Как одно из главных средств межкультурной коммуникации, язык выступает как средство передачи культурно-исторических традиций, самосознания и восприятия окружающих реалий, в том числе при межкультурных взаимоотношениях. Иными словами, с помощью языка коммуниканты не только обмениваются информацией, но также мыслят и познают действительность. Очевидно, что реалии национально-культурного своеобразия той или иной нации находят отражение в языке. Таким образом, сфера национальной культуры также является неотъемлемым фактором межкультурной коммуникации. Культура и общение – это категории, которые характеризуют все виды человеческой деятельности [1, с. 20].

Кроме того, результатом эффективной межкультурной коммуникации является достижение взаимопонимания, предполагающего инициативу со стороны ее участников. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо отметить и важную роль поведенческого компонента или коммуникативного поведения участников процесса (коммуникантов). Так, И. А. Стернин определяет, что «коммуникативное поведение есть компонент националь-

ной культуры, обусловленный национальным менталитетом, зафиксированный в национальных коммуникативных нормах и правилах и материально объективируемый, физически проявляющийся в национально-культурных коммуникативных ритуалах» [4, с. 38]. О. Н. Шаповалова указывает на необходимость владения стратегиями поведения в конкретных ситуациях, обеспечивающих успешное взаимодействие, а также умение продемонстрировать готовность к сотрудничеству [7, с. 109–110].

Следовательно, с позиции лингвокультурного аспекта, можно обозначить следующие факторы, способствующие межкультурной коммуникации: знания о языковой картине мира, в том числе способность понимать и правильно использовать иллокутивные средства, определяющие организацию ситуативного поведения; коммуникативное поведение, как компонент национальной культуры.

Библиографический список

1. Железовская Г.И., Хижняк С.П. Linguistic and extralinguistic factors of intercultural communication of lawyers // *Функционирование языковых единиц в аспекте социолингвистики и лингвокультурологии: [кол. монография] / под общ. ред. А.А. Зарайского.* – Саратов: Саратовский социальноэкономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. – с. 19-26.
2. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 237 с.
3. Муреева С.В. Изучение латыни в юридическом вузе в аспекте межкультурной компетенции. Саратов: изд-во «Научная книга», 2004. – 114 с.
4. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и его описание [Электронный ресурс] // *Коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация. Избранные статьи.* – Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Grupповое_kommunikativnoe_povedenie/Kommunikativnoe_povedenie_i_mezhkulturnaja_kommunikacija.pdf (дата обращения: 13.11.2017)
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_02.php (дата обращения: 08.10.2018)
6. Хижняк С.П. Когнитивная проблематика в общей теории термина: монография / С.П. Хижняк. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – 172 с.
7. Шаповалова О.Н. Метатекстовые средства достижения понимания в условиях межкультурной коммуникации // *Язык и мир изучаемого языка : сб. науч. ст. / [ред. совет: А. А. Зарайский, Е. А. Елина, Н. П. Тимофеева]. – Вып. 9. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. – с. 109-113.*
8. Шахнарович А.М. Когнитивные и коммуникативные компоненты грамматики // *Язык: теория, история, типология / Под ред. Н.С. Бабенко.* М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 510 с.

VII. TRAINING NATIVE AND FOREIGN LANGUAGES IN A MULTICULTURAL SPACE

ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е. Ю. Верещагина

*Кандидат филологических наук, доцент,
САФУ имени М. В. Ломоносова
г. Северодвинск,
Архангельская область, Россия*

Summary. This article observes the features of training of word-building skills at the English language lessons. The paper presents recommendations on organization of the work with the schoolbook «Rainbow English» according to the word-building patterns in English.

Keywords: word-building skills; word-building patterns; English; lesson.

Освоение словообразовательных моделей важно при формировании иноязычной коммуникативной компетенции. К основным целям изучения этой темы можно отнести расширение словарного запаса учащихся, развитие умения работать со словарем, развитие навыков правописания, формирование навыка образования однокоренных слов, принадлежащих к разным частям речи, систематизация знаний о способах словообразования в английском языке, а также развитие «языкового чутья», основанного на имеющихся теоретических знаниях и опыте. Как отмечает Т. А. Симонова, «Изучение способов словообразования помогает учащимся при чтении понять незнакомые лексические единицы по словообразовательным элементам, что позволяет не прерывать процесс чтения, отвлекаясь на поиски лексической единицы в словаре» [5].

Подчеркивая важность обучения словообразованию, лежащему в основе любой лингвистической системы, М. Н. Ахмедова пишет: «Знание структуры лексических единиц, основных словообразовательных моделей и семантики деривативных элементов обеспечивает оптимальное развитие у учащихся умений анализа и синтеза, формирование навыков употребления производных лексем различной сложности в самостоятельных речевых произведениях. Все это, безусловно, существенно обогащает филологический опыт школьников, расширяет их речевые возможности, способствует повышению уровня языковой и коммуникативной компетенции» [3].

Так, например, УМК «Rainbow English» для 5–9 классов общеобразовательной школы коллектива авторов О. В. Афанасьева, И. В. Михеева, Н. В. Языкова, Е. А. Колесникова [1] разработан в соответствии с Европейским языковым портфелем в рамках проекта «Языковой портфель для Рос-

сии» [4] и обеспечивает достижение обучающимися уровня А2, требуемого при сдаче ОГЭ по английскому языку. Изучение словообразования реализует языковую компетенцию – «готовность и способность применять языковые знания (фонетические, орфографические, лексические, грамматические) и навыки оперирования ими для выражения коммуникативного намерения в соответствии с темами, сферами и ситуациями общения, отобранными для общеобразовательной школы; владение новым по сравнению с родным языком способом формирования и формулирования мысли на изучаемом языке» [2]. В рамках этой компетенции ученики должны знать основные способы словообразования (аффиксация, словосложение, конверсия). Более того, в рамках учебно-познавательной компетенции учащиеся должны догадываться о значении слов на основе языковой и контекстуальной догадки, словообразовательных моделей.

Для школьников важно уметь образовывать словоформы, относящиеся к различным частям речи. В качестве одного из заданий можно предложить учащимся по образцу заполнить такую таблицу, в которой однокоренные слова, образованные при помощи различных аффиксов, относятся к разным частям речи и записываются в соответствующую колонку. Это упражнение является одним из универсальных методов при изучении этой темы, поскольку, в зависимости от уровня подготовки учащихся и сложности, может быть предложено как в начальной школе, так и в старшей.

Более того имеются несколько вариантов работы с такой таблицей: 1) заполнение таблицы по образцу со словарем; 2) заполнение таблицы по образцу без словаря; 3) подбор слов с противоположным значением; 4) придумать предложения со словами из таблицы; 5) подготовиться к диктанту со словами из таблицы. Такая работа способствует приобретению знаний и формированию умений, в результате чего учащиеся чувствуют себя более уверенно во время выполнения соответствующих заданий на экзаменах.

Важным элементом методической системы обучения словообразованию считается поэтапность формирования и развития умений и навыков [3]. Так, например, весь материал, относящийся к словообразованию, в УМК «Rainbow English» представлен системно, начиная с 5 класса. Имеется отдельный лексико-грамматический практикум в рабочей тетради. Задания на словообразование включены как в рабочую тетрадь, так и в учебник.

Условно данный УМК разделен на два блока: 5–7 классы и 8–9 классы. Языковая компетенция с лексического аспекта включает в первом блоке изучение следующих вопросов, касающихся словообразования:

– аффиксация, в частности суффиксы для образования существительных: *-tion (dictation)*, *-ing (meeting)*, *-ment (government)*, *-ness (loneliness)*, *-th (strength)*; суффиксы для образования прилагательных *-ful (beautiful)*, *-y (healthy)*, *-al (national)*, *-an (Russian)*, *-less (helpless)*, *-ly (kindly)*, *-able (readable)*; суффикс для образования наречий *-ly (usually)*;

префикс для образования прилагательных и существительных: *un-* (*unhappy, unhappiness*);

– конверсия, т.е. образование прилагательных и глаголов на основе существительных (*chocolate – a chocolate cake, dinner – to dinner*);

– словосложение (*tablecloth, rainbow, classroom etc.*).

Во втором блоке (8–9 классы) языковая компетенция, реализуемая в данном УМК включает такие вопросы словообразования, как:

– суффиксы для образования существительных: *-ist, -dom, -hood, -ship, -ism, -ance/-ence*, (*artist, freedom, brotherhood, friendship, materialism, importance*);

– суффиксы для образования прилагательных: *-ic, -al/-ical, -ish/-ive* (*athletic, chemical, childish, inventive*);

– суффикс для образования глаголов: *-en* (*strengthen, widen*);

– префиксы с отрицательным значением для образования прилагательных: *il-, im-, in-, ir-, non-* (*illiteral, immoral, invisible, irresistible, non-stop*);

– префикс для образования глаголов: *en-* (*enlarge, enlighten*).

В области конверсии учащиеся 8–9 классов знакомятся с субстантивацией прилагательных (*the old, the poor, the young, the rich etc.*). Продолжается работа со словосложением, примеры которого в лексике этого блока достаточно многочисленны, например: *headline, worldwide, skyscraper, powerlifting* и т. д.

Во втором разделе учебника за 5 класс (*Family History*) учащиеся строят сложные слова, обозначающие названия профессий, в третьем разделе (*Healthy Ways*) используют суффиксы *-er/-ful* для образования производных слов, в следующем разделе (*After School*) представлена тема использования префикса *un-* для образования новых слов, в пятом разделе (*From Place to Place*) изучается тема использования суффикса *-ly* для образования производных слов.

В учебнике шестого класса во втором разделе (*Visiting Britain*) учащиеся используют суффиксы *-y/-ful/-al* для образования производных слов; в четвертом разделе (*The Country across the Ocean*) объясняется использование суффикса *-an* для образования прилагательных, обозначающих национальность.

В учебнике «Rainbow English» за седьмой класс в первом разделе (*Schools and Schooling*) изучается словосложение и суффиксы *-er, -y, -ly, -tion* для образования слов; во втором разделе (*The Language of the World*) учащиеся работают с суффиксами *-less, -ing* для образования производных слов, а также выполняют задания на словообразование; в третьем разделе (*Some Facts about the English Speaking World*) изучается суффикс *-ly* для образования прилагательных; в четвертом разделе (*Living Things around Us*) учащиеся осваивают суффикс *-able* для образования прилагательных; в следующем разделе (*The ABC of Ecology*) объясняется суффикс *-ment* для

образования существительных; в шестом разделе (Living Healthy) учащиеся используют суффиксы *-ness* и *-th* для построения новых слов.

В первом разделе учебника за восьмой класс (Sport and Outdoor Activities) изучается конверсия, а также суффиксы *-ic* и *-al* для образования прилагательных; во втором разделе (Performing Arts: Theatre) учащиеся используют суффиксы *-ist*, *-ance*, *-ence* для образования производных слов и выполняют задания на словообразование; в третьем разделе (Performing Arts: Cinema) изучается суффикс *-ish*; в следующем разделе (The Whole World Knows Them) объясняются суффиксы *-dom*, *-hood*, *-ship*, *-ism* для образования производных слов.

В первом разделе учебника девятого класса (Mass Media: Television, Radio and the Internet) изучаются такие словообразовательные элементы, как префиксы *un-*, *non-*, *in-*, *im-*, *il-*, *ir-*, а также выполняются задания на словообразование; во втором разделе (The Printed Page: Books, Magazines, Newspapers) учащиеся используют суффиксы *-ly*, *-ous*, *-ment* для образования производных слов; в третьем разделе (Science and Technology) объясняется префикс *en-* для образования глаголов, а также выполняются задания на словообразование; в четвертом разделе (Being a Teenager) учащиеся догадываются о значениях слов с помощью словообразовательных элементов.

Отметим, что данный языковой материал является базовым и включается в контрольно-измерительные материалы по английскому языку как девятым (в формате ОГЭ), так и в последующем одиннадцатых классов (в рамках ЕГЭ).

Библиографический список

1. Афанасьева О.В., Михеева И.В., Баранова К.М. Английский язык (Rainbow English) 5–9 классы: учебник 1 и 2 часть. – Изд-во: Дрофа, 2018.
2. Афанасьева О.В., Михеева И.В., Языкова Н.В., Колесникова Е.А. Рабочая программа. Английский язык. 5–9 классы : учебно-методическое пособие / О.В. Афанасьева, И.В. Михеева, Н.В. Языкова, Е.А. Колесникова. – 4-е изд., перераб. – М.: Дрофа, 2017.
3. Ахмедова М.Н. Обучение словообразованию английского языка учащихся лакских школ. URL: <http://www.dissercat.com/content/obuchenie-slovoobrazovaniyu-angliiskogo-yazyka-uchashchikhsya-lakskikh-shkol> (Дата обращения: 24.09.2018).
4. Европейский языковой портфель. URL: https://is.muni.cz/el/1441/podzim2009/R2BP_DIS1/um/Jazykovej_portfel.pdf (Дата обращения: 24.09.2018).
5. Симонова Т.А. Работа над словообразованием на уроках английского языка. URL: <http://открытыйурок.рф/статьи/631042/> (Дата обращения: 24.09.2018).

VIII. LANGUAGE AND MENTALITY PRESSING QUESTIONS OF COGNITIVE LINGUISTICS

ОПИСАНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА С ПОМОЩЬЮ МЕТАФОРЫ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА

А. Н. Чумаков

*Кандидат филологических наук, доцент,
Старооскольский филиал,
НИУ «Белгородский государственный
университет»,
г. Старый Оскол,
Белгородская область, Россия*

Summary. The specific of the metaphorical description of person in the prose works and the diaries of M. M. Prishvin, written in 1940–1950 was researched in the article. The basis of the description of the personality's inner world is the metaphorization of the lexemes that refer to the objects and the states of nature. With the help of individual author's metaphor, the writer reveals the metaphysical nature of a human personality.

Keywords: the individual author's metaphor; the literary text; the creativity of M. M. Prishvin; the author's philosophy.

М. М. Пришвин в позднем творчестве: цикле лирико-философском цикле «Лесная капель» (1940–1943), романе-сказке «Осударева дорога» (1948), повести-сказке «Корабельная чаша» (1952–1953), цикле миниатюр «Глаза земли» (1953), в «Повести нашего времени», создававшейся на основе дневниковых записей военных лет, а также в самих дневниках 1940–1950 гг. – создает особый идиостиль, в котором метафора, с одной стороны, подчиняется общим законам языка, с другой стороны, расширяет, обогащает его. Метафорическое смыслообразование, основываясь на тонких культурных ассоциациях, формирует пришвинскую систему отражения мира, в которой творчески переосмысливаются этнокультурные и узуальные традиции.

Изображение внутреннего мира человека, его творческой и интеллектуальной деятельности базируется в прозе М. М. Пришвина на метафоризации лексем, наименовующих объекты и состояния природы. Это позволяет осуществить эстетический синтез двух сфер бытия: естественно-природного и социально-человеческого, показать сложную диалектическую сущность мира [3, с. 45–47]. Метафорическое взаимопроникновение семантических сфер «Природный мир» и «Человек» образует ряд направлений семантического переноса, направленного на описание внутреннего

мира человека. Метафоризации подвергаются лексемы следующих тематических групп:

1. **Наименование животного** *Сама задушевная правда умным котеночком глядела из детской души [2, Т. 6, с. 231]; Молодой собакой прыгала в груди моей радость [2, Т. 5, с. 98].*

2. **Наименование птицы:** *Собственная душа обернется кукушкой и начнет куковать [2, Т. 7, с. 402].*

3. **Наименование насекомого:** *Радость жизни кипит где-то в глубине, неумная, пузырьками, комариками [2, Т. 7, с. 413].*

4. **Наименование растения:** *Дерево, из которого он (человек) сделан, вырастает на почве его сердца [2, Т. 8, с. 92].*

5. **Наименование металла:** *Естественное золото моего дарования [2, Т. 7, с. 138].*

6. **Наименование огня или света:** *Огонь мысли [2, Т. 6, с. 205], В пламени красоты и любви [2, Т. 8, с. 116].*

7. **Космоним:** *Мое внутреннее солнце [2, Т. 8, с. 614]; Душа лучами расходится от себя [2, Т. 6, с. 203].*

8. **Рельефно-ландшафтное наименование:** *В тишине душевной пустыни [2, Т. 6, с. 169]; Поле души, прозрачное, светлое, было бесконечно [2, Т. 7, с. 267]; Хочется и Надо – это у меня с первого сознания, между этими скалами протекла вся моя жизнь [2, Т. 8, с. 492].*

Метафорические образы у М. М. Пришвина создаются в направлении, заданном узуальной семо-коннотативной проекцией, имеющей глубокие мифологические корни. Отгалкиваясь от традиционных ассоциаций и оценок, писатель развивает данные образы, придавая им статус индивидуально-авторских. Например, образ **пчелы** традиционно связанный с характеристикой трудолюбивого человека, используется обычно для того, чтобы дать однозначно положительную оценку личности. М. М. Пришвин, меняя область-цель, делает данную метафору частью авторской философии, наделяя ее неожиданными семантическими, оценочными векторами.

Что может быть лживей и коварней воды, и в то же время говорят постоянно — вода есть краса природы и что даже есть святая вода.

Так в природе вода, а любовь у людей? Говорят о святой любви, а сами постоянно дерутся. Как в этой путанице разобраться простому человеку, стремящемуся к хорошей жизни, человеку, каких огромное большинство на земле? Труженик такой, подумав о противоречиях, невозможных для честного ума, отгоняет весь этот вздор от себя, как пчелу. Но приходит ночь, пчела возвращается, тревожит совесть, порождает сны и уводит в какой-то волшебный край, где все вещи стоят на своих местах и вместе представляют единство.

Где тот волшебный край? И опять труженик отгоняет пчелу и, вздохнув, вручает желанную мысль топору, машине, напильнику, рубанку, перу или кисти.

Тогда, бывает, происходит то самое чудо, известное по себе каждому хорошему мастеру: на свет появляется новая, совершенная вещь, и, может быть, даже такая, каких еще на всей земле никогда и не было. Приходят люди другие и в совершенной вещи узнают свою затаенную мысль, ту самую, о чем ночью во сне каждому из них и так долго жужжала **пчела**. И сам мастер, сделавший вещь, понимает — не один он работал, были у него тайные помощники, и вот они теперь пришли и узнают в сделанной вещи свою мысль: он только сделал, вручая себя целиком своему инструменту, а думали все! [2, Т. 6, с. 190].

Как мы видим, не только различные эмоциональные переживания человека или особенности его творческой, интеллектуальной деятельности рассматриваются у позднего М. М. Пришвина сквозь призму «природной» лексики. Писатель стремится вербализовать представление о метафизической сущности личности человека, его незримой связи с нематериальным бытием. Особенно показательна в этом отношении тематическая группа «Стихия воды».

Так, метафоризация слов **океан, море, река, ручей** связана с обозначением метафизических субстанций, составляющих неотъемлемую часть философии М. М. Пришвина: *Любовь, вытекающая из цветущего сада, как ручей, — **ручей** любви, претерпев необходимые испытания, должен прийти в океан, который так же, как и сад цветущий, существует для всех* [2, Т. 7, с. 91]; *Ничего тебе не сделать, если только... твоё личное «хочется» не определится в океане необходимости всего человека* [2, Т. 7, с. 125].

Самой частотной в прозе М. М. Пришвина является метафора **волна**, образующая сложнейшее пересечение различных лексико-семантических вариантов в пределах художественного мира писателя. В позднем творчестве М. М. Пришвина расширяет сочетаемость метафорического представления слова, реализуя не только освоенные поэтической традицией функциональные переносы: **волна** → **жизнь, любовь, мир, небо, снег, музыка, свет, лес, звук, запах, человек** [1, с. 86–90], но и развивающие образную парадигму слова переносы философского свойства: **волна** → **сознание, судьба, свобода**: *Моя свобода, чувствую, давно превратилась в волну, и разбегается, и ударяется в скалистый берег, и рассыпается, и опять собирается* [2, Т. 7, с. 277]; *Радостные волны предтечи сознания* [2, Т. 8, с. 17].

Нередко метафорическая характеристика личности человека у позднего М. М. Пришвина восходит к христианским представлениям, опирается на евангельские притчи: *Читал я сегодня о том, как у сеятеля одно семя упало на добрую почву, другое — на каменистую. Читая эти слова, в то время как люди уходили от нас на величайшую войну, я людей этих понимал как **семена**... И вот стал передо мной... вопрос: могу ли я, подобно как в рассказе о сеятеле, пренебречь **сорными семенами**? Ведь тогда я, как*

летописец, оторвусь от жизненной правды, если ничего о сорняках не скажу [2, Т. 5, с. 173].

Итак, осмысление М. М. Пришвиным в прозаических произведениях и дневниковых записях 1940–1950 годов внутренней жизни человека имеет сложный диалектический характер. В позднем творчестве писателя метафора выступает как инструмент познания жизни, становится универсальным средством для раскрытия сущностных качеств человека, насыщена глубоким философским, метафизическим содержанием.

Библиографический список

1. Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.): Более 4500 образных слов и выражений. – М., 2004.
2. Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8 томах. Тома 5-8. – М.: Художественная литература, 1983-1984.
3. Чумаков А.Н., Туралина Н.А. Метафорический образ мира в творчестве М.М. Пришвина. – Белгород. ЛитКараВан, 2008.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2018–2019 ГОДАХ**

Дата	Название
1–2 ноября 2018 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2018 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2018 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2018 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2018 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2018 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2018 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2018 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2018 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2018 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2018 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2019 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2019 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2019 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2019 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2019 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2019 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2019 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2019 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2019 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2019 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2019 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2019 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
15–16 марта 2019 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2019 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2019 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2019 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2019 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2019 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2019 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2019 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2019 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2019 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2019 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2019 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания

28–29 апреля 2019 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2019 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2019 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2019 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2019 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2019 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2019 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2019 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2019 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2019 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2019 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2019 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2019 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2019 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2019 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2019 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2019 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2019 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2019 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2019 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2019 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2019 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2019 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2019 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2019 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2019 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2019 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2019 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2019 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2019 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2019 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2019 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2019 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,711, • Scientific Indexing Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • Open Academic Journal Index – 0,5, • РИНЦ – 0,104.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexing Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,884
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,742

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belgorod State University
Belarusian State University

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN LINGUISTICS IN THE AGE OF GLOBALIZATION

Materials of the IV international scientific conference
on October 17–18, 2018

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 25.10.2018.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 4,4.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz